

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47+57) «1941/45»

**В. Д. ПОЛКАНОВ
Е. А. ТИТОВА
Н. Н. НАБАТОВА**

Омский государственный
технический университет

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

22 июня 2011 года исполняется 70 лет со дня начала Великой Отечественной войны. В статье рассматриваются основные причины поражения Красной Армии в первый период Великой Отечественной войны (22 мая 1941 г. — 18 ноября 1942 г.) Причины группируются на два основных блока: объективные и субъективные. Делается заключение о важности Победы советского народа над фашистской Германией.

Ключевые слова: Красная Армия, поражение, Великая Отечественная война, объективные и субъективные причины.

Приказ о наступлении через границу СССР был подписан Гитлером 17 июня 1941 года. Спустя пять дней фашистская армия вероломно вторглась на нашу землю. Началась Великая Отечественная война, растянувшаяся почти на 1418 дней и ночей ...

Из трех периодов войны самым тяжелым и трагическим явился первый период (с 22 июня 1941 по 18 ноября 1942 г.), на который пришлось более 30 крупных операций. В тот роковой день (22 июня 1941 г.) в границу СССР уперлись в общей сложности 182 дивизии

(из них 153 — германские), 18 бригад, 4300 танков, свыше 47 тыс. орудий и минометов и около 5 тыс. самолетов. В целом общая численность немецкой армии и союзников составляла 8,6 млн. человек [1, с. 9].

В первый же день войны германские фашисты уничтожили (в основном на 66 аэродромах) 1200 наших самолетов из 4950 имеющихся; прорвались на глубину 50 — 60 км, а к исходу следующего дня продвинулись до 130 км. Трехмиллионная армия Западного направления была разбита в первые две недели

(командующий — генерал армии Д. Г. Павлов), Северо-Западная — в первые пять недель, Юго-Западная — 10 недель. В целом было разгромлено более 100 дивизий; 28 из них не смогли выйти из окружения [2].

Людские потери СССР до середины июля составили свыше 1 млн солдат и офицеров. За летнее время 1941 года в плену оказалось 2 млн советских воинов. К началу июля 1941 года немецкие войска захватили Литву, часть Молдавии, Латвии, Белоруссии и Украины. В целом в начале войны СССР потерял территорию, на которой проживало около 42 % населения страны и производилось более 30 % промышленной продукции. Враг торжествовал. 3 июля Гальдер, начальник генерального штаба германской армии, записал в своем дневнике: «Не будет преувеличением, если я скажу, этот поход против России был выигран в течение 14 дней» [3, с. 342].

Генерал был близок к правде. За 1941 год в общей сложности Красная Армия потеряла 67 % стрелкового оружия; 90 % минометов и орудий; 91 % танков и САУ; 90 % самолетов; 200 складов (52 %), которые находились в приграничной полосе. И хотя численность советской действующей армии к тому времени возросла до 212 дивизий и трех стрелковых бригад, однако полностью были укомплектованы только 90 дивизий (42,4 %) [4].

Над страной нависла смертельная опасность.

Причины той ситуации носили как объективный, так и субъективный характер.

Объективные причины:

1. Перед нападением на СССР Германия имела мощную материальную базу; впрягла в свою кровавую колесницу 11 стран Европы: Чехословакию, Францию, Австрию, Данию, Голландию, Бельгию и др. Вместе с сателлитами экономические ресурсы Германии в 2–2,5 раза превосходили матбазу СССР. То есть Советскому Союзу пришлось воевать не только с Германией, а почти со всей Европой!

2. Экономика Германии давно была переведена на военный лад. Военные расходы в стране в 1937–1938 годах составляли в среднем 67,6 %. В СССР в 1938 году — лишь 23,2 млрд рублей при общем бюджете в 124 млрд (18,7 %), а в 1940 году — 56,8 млрд при общем бюджете 174 млрд рублей (32,6 %). Причем вся военная техника и личный армейский состав поработавших европейских стран перешли к Германии. Лишь одна Франция «подарила» Гитлеру 4 930 современных танков, более 3 тыс. самолетов; «поделилась» в целом армией подкрепления — 128 технически оснащенных дивизий. Немалый «куш» внесли в эту копилку Чехословакия — 30 дивизий, Бельгия — 22, Голландия — 18, Норвегия — 6 и т.д. [1, с. 7].

3. В тот тяжелый период СССР вынужден был заняться не ускоренным выпуском военной продукции, а самим демонтировать заводы и срочно вывозить их в восточную часть страны. В июне — октябре 1941 года лишь из Украины было эвакуировано 400 предприятий. Работа была тяжелой. Только для перебазировки завода «Запорожсталь» потребовалось 108 тыс. вагонов. А всего за годы войны удалось «перевосить» на Восток около 5 тыс. предприятий, из них 1 530 — военные заводы. Оставшиеся предприятия приходилось взрывать самим. Так, из восьми заводов по производству важнейшей продукции — пороха, сумели эвакуировать лишь два, остальные взорвали собственными руками [5].

4. Германия имела военный блок (входили 7 стран + Германия: Италия, Япония, Испания, Венгрия, Болгария, Румыния, Финляндия). СССР же военного бло-

ка не имел. К тому же вынужден был держать на Дальнем Востоке 30–40 дивизий.

5. Германская армия имела опыт двухлетней современной войны. С участием крупных танковых, воздушных подразделений. Генеральный же штаб Красной Армии встретил войну со старой военной доктриной.

Субъективные причины:

1. Просчет в оценке времени нападения Германии на СССР.

Сталин был уверен (а скорее всего, лишь тешил себя этой иллюзией), что пока Гитлер не покончит с Англией — не нападет на СССР. Логика была проста: ввязываться в новую войну, имея у себя за спиной непокоренную Англию, было, безусловно, безумием. Да и в «*Main Kampf*» фюрер определил Англию как вечного стратегического врага Германии, который должен быть побежден любой ценой.

В 2008 году «Российская газета» опубликовала статью профессора А. И. Уткина — директора Центра международных исследований Института США и Канады РАН, неизвестный доселе документ «**Письмо Гитлера Сталину**», датированное 14 мая 1941 года. В послании фюрер уверял Сталина, чтобы он не обращал внимания на дислокацию около 80 дивизий на границе СССР. «Хочу заверить Вас и даю слово чести, — изощрялся любезностью фюрер, — что это неправда...» «Начиная, примерно, с 15–20 июля я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад» [6]. Хотя Сталин не был простаком, но это «сердечное признание» падало ему бальзамом на душу: его главнейшей же задачей было как можно оттянуть войну с Германией, дабы наверстать упущенное время.

2. Сталин не прислушался к донесениям разведки насчет даты возможного нападения Германии на СССР.

Вот что вспоминает о той поре Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, бывший с мая 1940 до июля 1941 года наркомом обороны СССР. «В начале июня 1941 года, когда сообщение по разным каналам о готовящейся агрессии против СССР стали очень тревожными, мне удалось добиться у Сталина согласия принять меня вместе с начальником Генштаба генералом армии Г. Жуковым. Мы вручили ему большую пачку последних донесений наших военных разведчиков, дипломатов, немецких друзей — антифашистов и др., убедительно свидетельствовавших о том, что каждый день следует ожидать разрыва Гитлером пакта о ненападении и вторжения врага на советскую землю. Сталин небрежно бросил их на стол со словами: «А у меня есть другие документы». И показал пачку бумаг, по содержанию почти идентичных нашим, но испещренных резолюциями начальника военной разведки генерал-лейтенанта Ф. Голикова. Голиков начисто отметал правдивость и достоверность этих донесений. «Более того, — продолжал Сталин, — нашелся один наш... (тут «хозяин» употребил нецензурное слово), который в Японии уже обзавелся заводиками и публичными домами и соизволил сообщить даже дату германского нападения — 22 июня. Прикажете ему верить?»... [7] «Вот видите, — повторял в подобных случаях Сталин, — пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и направляют друг на друга» [8, с. 225–226].

И подобное признание было не спроста. Это сейчас можно разводиться руками и винить Сталина в близорукости. Дело же обстояло сложнее. Суть заключалась в том, что перед нападением Германии на СССР

ведомством И. Геббельса была разработана обширная программа дезинформации. В действующие лица включались и высокие чиновники, в том числе и люди из посольства. И уловить в этом потоке «правду» было не так просто. В той неопределенности лишь в 1936 — 1940 годах пять начальников Главного разведывательного управления Генерального штаба были репрессированы и расстреляны: С. П. Урицкий, А. К. Березин, С. Г. Гендий, Н. Н. Прокуроров, А. Г. Орлов [9].

3. Недостатки в строительстве Вооруженных сил.

В 1935 — 1937 годах по инициативе и под руководством М. Н. Тухачевского были сформированы механизированные корпуса. «Будущая война, — утверждал Первый заместитель наркома обороны, — будет войной моторов». Были созданы механизированные танковые корпуса, воздушные армии, десантные войска. Однако в 1939 году они были расформированы. Несколько позднее хватились, однако основное время было упущено. К 1941 году современной техникой было вооружено лишь 15 % авиационных полков и 25 % танковых частей [10, с. 380].

4. Не была сформирована современная военная доктрина.

Старая доктрина была разработана К. Е. Ворошиловым и С. К. Тимошенко еще в 20-е годы. Суть ее сводилась к тому, что мы ни на кого не нападаем, но держим основную часть армии и военную технику на границе. А в случае нападения агрессора даем решительный отпор и уничтожаем его в «своей берлоге». То есть главный тезис этой доктрины — вести войну на территории противника, что, к сожалению, не получилось.

Важнейшей причиной подобного упущения явился, по-видимому, тот факт, что за пять предвоенных лет сменилось четыре начальника Генерального штаба, у которых не «доходили руки» для разработки новой военной доктрины.

5. Как известно, СССР подписал 18 сентября 1939 года секретный протокол о разделе Польши (возвращение территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, отторгнутых от России в 1920 году в результате неудачного похода Тухачевского). Красная Армия стала срочно переносить оборонительные сооружения в глубь Польши, создавая так называемую «Линию Молотова». «Линия Сталина», прикрывающая рубеж старой границы в составе 3 817 долговременных оборонительных сооружений (ДОС), из них 538 недостроенных, была законсервирована. «Линию Молотова» строили, но успели завершить лишь на 15 % к 22 июня 1941 года. Не успев возвести новые укрепленные районы (УРы) и, по сути дела, во многом демонтировав старые укрепления (убрав с тех позиций боевую технику), СССР облегчил вступление фашистской армии на территорию СССР.

На вопрос: мог ли Сталин отказаться переносить границу в конце 1939 года на сотни километров западнее и можно ли было построить современные укрепления за полтора года? Если бы знать о развивающихся стремительно событиях, ответ только отрицательный. В то же время некоторые ученые, военные и строительные эксперты не находят ошибок, утверждая, что делалось все возможное. Так доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны О. А. Ржешевский в своей статье «Перед великим испытанием» утверждает, что «в 1939 — 1940 годах советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможность для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-фин-

ские войска начали бы наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие — в 35 км от Минска, немецко-румынские — в 45 км от Одессы и т. д. Ход войны показал, насколько важными оказались эти «километры» [11].

6. Растерянность и замешательство Верховного командования.

К нападению 22 июня 1941 года советские войска не успели завершить боевое развертывание на Западном фланге. После некоторых заминок в войска была направлена длинная и несколько невразумительная директива Главного военного совета за № 1, в которой содержался перечень конкретных мероприятий по переходу в боевую готовность, но ключевые фразы о введении планов прикрытия отсутствовали. Не было их и в изданной утром 22 июня директиве № 2 об отражении агрессии. Наконец, вечером 22 июня появилась директива № 3, но в ней говорилось уже о немедленном переходе в контрнаступление, что было серьезной ошибкой [12].

7. Репрессии.

Ныне это одна из важнейших статей обвинения Сталина, советского руководства, допустивших столь трагическое поражение Красной Армии в первый период войны. Более того, развернуто даже соревнование, кто на этот счет больше «даст». А. Солженицын, например, утверждал: «Только от террора коммунистического режима против собственного народа мы потеряли 60 миллионов» [13]. А. Альбац доводит эту цифру до 66 млн человек. Другие и того больше — свыше 80 млн человек. Однако если считать по переписи населения СССР на 17 января 1939 года — 170 467 186 человек, то, выходит, почти каждый второй был репрессирован?!

«Это же надо, — язвил в 2005 году известный секретарь ЦК КПСС, один из первых перевертышей, Яковлев, — не уставая, лично подписать 366 списков на расстрел 44 440 человек во время репрессий 1937 — 1938 годов» [14].

Остановим внимание на этой цифре. По-видимому, Яковлев имел в виду репрессии в армии. Именно это число чаще называется рядом исследователей.

Откуда взялась подобная цифра? Оказывается, 5 мая 1940 года начальник Главного управления кадров Наркомата обороны, заместитель наркома обороны генерал-лейтенант Е. А. Щаденко направил Сталину, Молотову, Ворошилову и Берии «Отчет о работе управления по начальствующему составу РККА за 1939 год». Там говорилось, что за 1937 — 1939 годы из армии было уволено 36 898 командиров. Каковы были причины увольнения? Самые разные: и возраст, и состояние здоровья, и дисциплинарные проступки, и моральная неустойчивость, и политические мотивы. 9 579 человек, т.е. четвертая часть всех уволенных, были арестованы, т.е. репрессированы в прямом смысле слова.

Однако Щаденко тут же добавлял: «В общем числе уволенных командиров было большое количество арестовано и уволено несправедливо. Поэтому мною в августе 1938 года была создана специальная комиссия для разбора жалоб уволенных командиров. Комиссией было рассмотрено около 30 тысяч жалоб, ходатайств и заявлений». Итог работы Комиссии таков: на 1 мая 1940 года в кадры армии возвращен 12 461 командир. Процесс этот продолжался и, как свидетельствует более поздняя справка — доклад главного управления кадров, к 1 января 1941 года из 37 тыс. уволенных было возвращено в армию свыше 14 тыс. К концу года не восстановленными оставались около 8 тыс. человек. По причинам, названным выше,

репрессированных же оказалось около 8 тыс. офицеров [15].

Безусловно, и отмеченная выше потеря была немалая. Особенно это касалось верховного звена. Сухие статданные свидетельствуют: в предвоенный период была арестована и казнена почти половина высшего армейского персонала: маршалов (из 5 маршалов — 3); командармов (из 15 — 13); адмиралов (из 9 — 8); комкоров (из 57 — 50), комдивов (из 186 — 154); армейских комиссаров (из 16 — 16), корпусных комиссаров (из 28 — 25). В целом из 733 высших командиров и политработников было репрессировано 579 человек [10, с. 379].

К сожалению, расстрелы военачальников продолжались и в годы Великой Отечественной войны. Так, в начале войны «за утерю управления войсками» были приговорены к расстрелу командующий Западным военным округом генерал армии Д. Г. Павлов, начальник штаба округа генерал-майор В. Е. Климовских, начальник связи округа генерал-майор А. Т. Григорьев, командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков. Вслед за этим было репрессировано командование Северо-Западного фронта: генералы П. С. Кленов, И. С. Кособуцкий, В. С. Гончаров, К. М. Кочанов и т.д. [16].

Немало было и других причин поражения Красной Армии в названный период войны. Скажем, к началу войны только 7 % командиров вооруженных сил имели высшее образование, а 37 % не прошли даже полного курса в средних специальных военно-учебных заведениях.

С 1935 по 1941 год Красная Армия численно возросла в пять раз. Но качество, прежде всего офицерского и сержантского составов, оставалось неудовлетворительным. Войска были плохо обучены методам современной войны, слабо сколочены, недостаточно организованы. На низком уровне находились управление, взаимодействие войск, разведка, тактика, радиосвязь. К примеру, Киевский округ был обеспечен радиостанциями лишь на 30 %, Западный и того меньше — на 27 % [10, с. 381].

Все это, сплетенное в единую цепочку, и стало началом трагедии Великой Отечественной войны.

От поражения — до Победы.

В заключение, безусловно, напрашивается вывод, кто же основной виновник столь трагической ситуации в первый период Великой Отечественной войны? Ответ ожидаемый: конечно, Сталин! Но это не вся правда.

Безусловно, И. В. Сталин, будучи с 1922 года Генеральным секретарем ЦК партии, сосредоточил в своих руках почти все нити управления страной. Главным же звеном этого руководства все же являлось определение социально-политической линии. То есть до 1938 года задача Генерального секретаря партии заключалась в том, чтобы «накормить» людей, покончить с экономической разрухой, проведя курс индустриализации и коллективизации, поскольку страна в период Гражданской войны была «избита до полусмерти», отброшенная к временам Екатерины II.

Непосредственное же руководство Советскими Вооруженными силами осуществлял народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, сменивший в мае 1940 года на этом посту Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, назначенного председателем комитета обороны при СНК СССР. Органами управления Вооруженными силами являлись Генеральный штаб и управление родов войск. Начальником Генерального штаба до 18 августа 1940 года был Маршал Советского Союза Б. М. Ша-

пошников, которого сменил генерал армии К. А. Мерцков. 1 февраля 1941 года в должность начальника Генерального штаба вступил генерал армии Г. К. Жуков [1, с. 2].

И лишь тогда, когда стала неизбежной перспектива разгрома СССР, Сталин взваливает на свои плечи (безусловно, вроде бы исполняя решение Политбюро) всю ответственность за судьбу страны. С 6 мая 1941 года он становится председателем Совета Народных Комиссаров (Совета министров) СССР. 23 июня 1941 года входит в состав Ставки Главного Командования Вооруженных Сил под председательством С. К. Тимошенко. Однако вскоре, с 10 июля 62-летний пенсионер Сталин сменяет, за «вялость в руководстве», 46-летнего Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко. С 8 августа меняется и название Ставки — Ставка Верховного Главнокомандования. 30 июня 1941 года создается Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе все с тем же И. В. Сталиным. То был орган руководства страной, сосредоточивший всю полноту власти. В него входили члены политбюро ЦК ВКП(б) и наркомата обороны. Кстати, заметим, за время войны ГКО принял около десяти тысяч решений и постановлений военного и хозяйственного характера. То есть примерно в среднем принималось около двух приказов ежедневно [8, с. 207]. И, как ни странно, в той тяжелейшей обстановке, все это выполнялось. За четыре военных года было сооружено 3500 новых промышленных предприятий и 7500 восстановлено [17]. С 19 июля 1941 по март 1947 года И. В. Сталин — Нарком обороны, министр Вооруженных сил СССР.

Затем один за другим победоносно следуют 10 важнейших, так называемых «сталинских ударов», по сути дела, решивших судьбу страны. И на всех вышеупомянутых решениях, в приказах о подготовке и проведении крупнейших военных операций стояла подпись Сталина.

Как было отмечено выше, с января 1941 года начальником Генштаба назначается Г. К. Жуков. С августа 1942 года он становится заместителем наркома обороны и заместителем Верховного Главнокомандующего. То есть — правой рукой И. В. Сталина.

С созданием тандема «Сталин — Жуков» в корне меняется (со Сталинградской битвы) и обстановка на фронте. В конце концов, СССР, под руководством И. В. Сталина выходит победителем в той смертоносной схватке с фашистской Германией.

Именно благодаря этому, несмотря на нынешнее либеральное заумствование, что вопреки Сталину была добыта Победа, наша страна спасла не только себя, но и весь хваленый мировой капитализм. Будь Непобеда — жертв было бы гораздо больше, причем не только в СССР, но и во всем мире!

Библиографический список

1. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941 — 1945 / В. А. Анфилов [и др.]; отв. ред. А. М. Самсонов / АН СССР; Ин-т истории СССР. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1985. — 711 с.
2. Медведев, Р. За ценой не постояли / Р. Медведев // Аргументы и факты. — 2005. — № 16.
3. История России [Текст]: учеб. пособ. для вузов / А. П. Деревянко, Н. А. Шабельникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2006. — 557 с.
4. История Второй мировой войны, 1939 — 1945. В 12 т. Т. 4. 1973 — 1982. / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР [и др.]. — М.: Воениздат 1975. — 536 с.

5. Мурзаков, В. Любимая, непобедимая, легендарная и обогнанная (интервью с Д. Т. Язовым) / В. Мурзаков // Омское время. — 2008. — 7 мая.
6. Уткин, А. И. Письмо Гитлера Сталину / А. И. Уткин // Российская газета. — 2008. — 20 июня.
7. Верховский, Я. Сталин. Тайный «Сценарий» начала войны [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.erlib.com/Яков_Верховский/Сталин._Тайный_«Сценарий»_начала_войны/37/.
8. Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления / Г. К. Жуков. — М.: Изд. агентства печати «Новости», 1971. — 703 с.
9. Маколов, В. В. «Загадка» 22 июня 1941 года (интервью с Д. Т. Язовым) / В. В. Маколов // Советская Россия. — 2005. — 24 марта.
10. Россия в мировой истории: учеб. по дисциплине «Отечеств. история» для студентов техн. вузов / В. С. Порохня [и др.]; под общ. ред. В. С. Порохни. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Логос, 2003. — 591 с.
11. Ржешевский, О. А. Перед великим испытанием / О. А. Ржешевский // Новая и новейшая история. — 2010. — № 3. — С. 10.
12. Минц, М. М. Стратегия сокрушения... / М. М. Минц // Российская история. — 2010. — № 3. — С. 14.
13. Кожемяко, В. Светоносец или лжепророк (беседа с М. Лобановым) / В. Кожемяко // Советская Россия. — 1998. — 24 дек.
14. Сварцевич, В. Войну надо очистить от вранья / В. Сварцевич // Аргументы и факты. — 2005. — № 8.
15. Башко, И. Репрессии в армии / И. Башко // Наше омское время. — 2004. — 22 декабря.
16. История России: учеб. для вузов / А. А. Чернобаев [и др.]; под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. — М.: Высш. шк., 2001. — 479 с.
17. Подольский, Ф. Суверенная разруха / Ф. Подольский // Советская Россия. — 2010. — 10 июня.

ПОЛКАНОВ Владимир Данилович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: koi-omgtu@bk.ru

ТИТОВА Евгения Александровна, аспирантка кафедры отечественной истории.

НАБАТОВА Надежда Николаевна, аспирантка кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 11.04.2011 г.

© В. Д. Полканов, Е. А. Титова, Н. Н. Набатова

УДК 930.1

Ю. П. ДЕНИСОВ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

В статье анализируются изменения, которые переживает отечественная историческая периодика в 1980—2000-е гг. Автор предпринимает попытку систематизировать, типологизировать и классифицировать научные исторические журналы, издававшиеся в указанный период. Исследуется коммуникативное пространство российской исторической науки.

Ключевые слова: научная коммуникация, коммуникативное пространство, научная периодика, история исторической науки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

С середины 80-х гг. прошлого столетия коммуникативное пространство отечественной исторической науки переживает качественные трансформации, которые были связаны с разложением советской историографии как специфического исторического феномена. Происходившие в коммуникативном пространстве отечественной исторической науки изменения были в значительной степени обусловлены

факторами социокультурного, политического, экономического контекстов. Изменение характера и особенностей научной коммуникации в целом и характера научной коммуникации профессиональных историков в частности находилось в тесной взаимосвязи с процессами политического, социального, экономического, культурного и духовного реформирования, начавшимися в 1985 г. в СССР под лозунгами

перестройки советского общества и внедрения в него гласности.

Перемены в коммуникативном пространстве отечественной исторической науки коррелировали и непосредственно с «внутринаучными», интернальными процессами, обусловленными глобальными изменениями в нашей стране и в мире. Демонтаж системы идеологического контроля и идеологического цензурирования науки со стороны власти и государства неизбежно привел к расширению тематики исторических исследований, их теоретико-методологической базы, терминологического и категориально-понятийного аппарата. А следовательно, крушение системы советской цензуры привело к изменению самого научного дискурса.

Ключевую роль в складывании нового российского коммуникативного пространства исторической науки сыграли утрата марксистской концепцией своей роли монопарадигмы и стирание границ между «советской» и «буржуазной» историографиями. В 80-е гг. XX в. в мировом коммуникативном пространстве исторической науки произошло своего рода разрушение Берлинской стены, в результате которого началось встраивание профессионального сообщества отечественных учёных-историков в сеть международных научных коммуникаций.

Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на то, что значительная часть сообщества встроилась в конвенциональное пространство мировой науки, как показывает проведённое известными российскими учёными И. М. Савельевой и А. В. Полетаевым исследование публикаций российских историков в иностранных журналах, их тематики и реакции на них в форме ссылок, на страницах мировой научной периодики рубежа веков российские историки выступают в ролях «второго плана» [1, с. 20]. Это явление в целом находится в русле общей тенденции, которой характеризуется российская наука 1980 – 2000 гг. [2].

Одновременно с утратой жёсткого государственного контроля над исторической наукой частично происходит и утрата опоры для научного сообщества историков в лице государства. По этой причине часть историков выступила за сохранение основ и принципов советской научной деятельности и нормативно-ценностных установок, которыми определялась научная коммуникация в Советском Союзе.

Другую часть научного сообщества профессиональных историков утрата государством части функций, затрагивающих научную сферу, вынудила активно искать новые возможности для реализации себя в профессиональной сфере (либо отказавшись от прежних нормативно-ценностных установок, либо адаптировав их к новым реалиям). Результатами такого рода процессов стали повышение плотности научной коммуникации и интенсификация взаимодействия членов сообщества (и, соответственно, ускорение производства информации).

Одним из проявлений воздействия на коммуникативное пространство отечественной исторической науки в целом обозначенных выше процессов стали изменения, произошедшие с отечественными историческими изданиями, в частности, с научной исторической периодикой, которая, по сути, является самостоятельным коммуникативным пространством в ряду так называемой «письменной» или «печатной» коммуникации. Вместе с тем именно периодика способствует наиболее явному раскрытию потенциала научного сообщества [3, с. 36]. Именно сквозь призму научного журнала отчётливо просвечиваются основные тенденции современной науки, и проявляется

степень активности научного сообщества [4, с. 94]. Именно журнал, как отметил немецкий учёный К. Винтер, обладает наибольшим влиянием на «узкий круг профессионалов» [5, S. 413].

Развитие профессиональной исторической периодики на рассматриваемом нами этапе характеризуется появлением значительного числа новых периодических изданий. Периодика становится одной из наиболее динамичных форм организации знания. Например, в 1986 г. создаётся «Историко-философский ежегодник». Данное издание изначально ориентировалось на специально историко-философскую тематику. На его страницах стали публиковаться материалы по истории античной, средневековой философии, истории философии эпох Возрождения и Нового времени, современной отечественной и западной истории философии, а также стали интенсивно разрабатываться теоретико-методологические проблемы истории философии как науки.

Важным событием стал выход в свет в 1989 г. научного альманаха «Одиссей». Альманах был задуман и создан историками А. Я. Гуревичем, Ю. Л. Бессмертным, Л. М. Баткиным, философом В. С. Библером, семиологом В. В. Ивановым. Основной целью издания они видели разработку методологической базы отечественного гуманитарного знания, свободного от идеологических ограничений. Наибольшее внимание на страницах альманаха традиционно уделялось историко-антропологическому подходу. С первых выпусков альманах воплотил в себе альтернативную по отношению к советским изданиям модель научного авторитета, что нашло выражение во всей структуре издания, характере материалов, составе редколлегии и т.д. [6, с. 5]. В «Одиссее» впервые на русском языке опубликованы статьи Э. Геллнера, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, К. Гинзбурга, В. Вжозека, О. Эксле и др.

Одновременно с этим воссоздаётся журнал «Родина», первый номер которого вышел в 1989 г. Это правительственное издание позиционирует себя как «продолжатель» основанного в 1879 г. одноимённого журнала и апеллирует к традициям дореволюционной исторической науки [7].

Появившееся многообразие периодических изданий требует их типологизации и классификации. Наиболее простым критерием, на основе которого можно сгруппировать научные исторические журналы, выходившие в 1980 – 2000 гг., является период их создания. На основе этого критерия можно выделить «старые» советские журналы, многие из которых были переименованы, однако сохранили свой облик, свои традиции и свои содержательные характеристики («Вопросы истории», «Российская археология», «Этнографическое обозрение» и т.д.). Другую группу в соответствии с данным критерием образуют журналы, появившиеся в исследуемый нами период, а также «воссозданные» журналы, закрытые до 1917 г. («Родина», «Одиссей: Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории» и т.д.).

Ещё одним критерием является географическое местоположение издаваемого журнала. На этой основе можно выделить центральные (или столичные) и региональные (периферийные, провинциальные) издания. К центральным изданиям, то есть к журналам, издаваемым в Москве и Санкт-Петербурге, относятся все названные выше периодические издания. Столичные издания, как правило, характеризуются жёстким отбором публикуемых материалов, высоко формализованным подходом к работе. На их страницах преобладают работы столичных авторов.

Именно столичные издания, по выражению В. П. Корзун и Д. М. Колеватова, «задают интеллектуальную моду» [8, с. 342]. Однако «интеллектуальный ландшафт» отечественной исторической периодики 1980 – 2000 гг. отнюдь не ограничивается московскими и петербургскими изданиями. В этот период успешно функционируют и журналы, издаваемые на периферии. Яркими примерами могут служить «Археология, этнография и антропология» (Новосибирск), «Вестник археологии, антропологии и этнографии» (Тюмень), «Уральский исторический вестник» (Екатеринбург) и т.д.

Среди достаточно «простых» критериев для классификации отечественных научных периодических стоит отметить и источники финансирования. На базе данного критерия можно выделить, в частности, государственные (например, «Родина», издаваемый Администрацией Президента РФ и Правительством РФ, «Археографический ежегодник», издаваемый Археографической комиссией РАН, «История наук о земле», издаваемый Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН, и т.д.) и негосударственные издания, то есть журналы, издаваемые за счёт частных средств (например, «Клио», «Вестник Евразии», «Ab Imperio» и т.д.)

Огромную роль в функционировании российского научного журнала как определённого коммуникативного пространства в рассматриваемый нами период играет то, находится ли он в перечне изданий, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК РФ). Нахождение журнала в этом списке стало своего рода знаком качества. В силу того, что публикации в журналах, находящихся в этом перечне, являются необходимым условием защиты диссертаций на соискание степеней кандидата и доктора наук, коммуникация в рамках данных изданий отличается повышенной интенсивностью. Вместе с тем в конце XX – начале XXI вв. появились издания, которые не входят в данный перечень, однако обладают коммуникативным напряжением (например, «Неприкосновенный запас», «Вестник Евразии», «Ab Imperio»). Однако деление периодических журналов на «ваковские» и «неваковские» продолжает играть немаловажную роль. В свою очередь журналы, находящиеся в перечне ВАК РФ, можно классифицировать на специально исторические журналы и неспециализированные издания «широкого профиля». К специально историческим изданиям относятся такие издания, как уже упоминавшиеся выше журналы «Вопросы истории», «Краткие сообщения Института археологии РАН», «Новгородский исторический сборник», «Этнографическое обозрение», «Вестник архивиста» и т.д. Однако в перечень ВАК РФ в интересующий нас период было включено значительное количество изданий, которые не ограничиваются только исторической, или только гуманитарной тематикой, однако издаются сериями, посвящённые историческим и историографическим изысканиям. Такого рода серии выпускают, в частности, вестники целого ряда крупных высших учебных заведений, находящихся как в центре («Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина», «Вестник Московского государственного областного университета», «Вестник Московского университета», «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета», «Вестник Российского университета дружбы народов», «Вестник Санкт-Петербургского университета» и т.д.), так и на периферии («Вестник Брянского государственного университета», «Вест-

ник Волгоградского государственного университета», «Вестник Воронежского государственного университета», «Вестник Новосибирского государственного университета», «Вестник Омского университета», «Вестник Тверского государственного университета», «Вестник Томского государственного университета» и т.д.).

Вместе с тем в рассматриваемый нами период появляются отечественные специализированные научные журналы, в которых ярко представлена историческая тематика, однако которые целенаправленно позиционируют себя как междисциплинарные периодические издания. В этой связи в качестве критерия для классификации научной исторической периодики представляется целесообразным использовать уровень междисциплинарного взаимодействия. В соответствии с данным критерием можно выделить издания с высоким уровнем междисциплинарного взаимодействия и издания с относительно низким уровнем междисциплинарного взаимодействия. К первой группе мы можем отнести достаточно широкий пласт периодики. Они, в свою очередь, дифференцируются на несколько разновидностей:

Во-первых, это издания, которые делают акцент на исторической и историко-антропологической тематике. К ним можно отнести столь разные периодические издания, как уже упомянутый альманах «Одиссей: Человек в истории», журнал «Антропологический форум», журнал «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», альманах интеллектуальной истории «Диалог со временем», альманах гендерной истории «Адам и Ева» и т.д.) При этом стоит учесть, что, выступая в роли коммуникативных площадок, одни издания с высоким уровнем междисциплинарного взаимодействия могут использовать узкоспециализированную стратегию, а другие междисциплинарную стратегию. Первая из них представлена современными российскими изданиями «Казус» и «Одиссей». Она репрезентирует более традиционный образ профессионального канона и очерчивает узкий круг специалистов-историков, претендующих на выработку «нового знания». Вторая концентрируется вокруг таких изданий, как «Диалог со временем», «Адам и Ева», «Ab Imperio» «Cogito». Она нацелена на конструктивный диалог по формированию «нового образа» историографической традиции между представителями широкого круга социально-гуманитарных дисциплин. Благодаря этому, как отмечает целый ряд исследователей, формируется неоднородный состав авторов в институциональном и дисциплинарном и географическом плане [9 – 12].

Во-вторых, это научные журналы, которые изначально формировались как междисциплинарные издания. Яркими примерами таких изданий являются журналы «Общественные науки и современность», «Вестник истории, литературы, искусства», «Неприкосновенный запас», «Вестник Евразии» и т.д. Следует отметить, что журнал «Общественные науки и современность» (ОНС) преподносит себя как единственное в нашей стране академическое междисциплинарное издание, на страницах которого представляются статьи по политологии и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии. При этом на официальном сайте издания, что предпочтение отдается исследованиям на стыке различных дисциплин, в том числе гуманитарных и естественно-научных [13].

В-третьих, это издания, которые специализируются на неисторической тематике, однако в силу своей междисциплинарности нередко публикуют

исторические материалы. Наиболее типичным примером служит журнал «Новое литературное обозрение» (НЛО). Он концентрируется, в первую очередь, на филологической тематике. На его официальном сайте указано, что он «ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устаревших категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте» [14]. Однако на его страницах нередко публикуются и оригинальные исследования, касающиеся советского и постсоветского периодов истории. В журнале часто появляются и историко-литературные труды, посвященные различным аспектам российской истории литературы.

К изданиям с относительно низким уровнем междисциплинарного взаимодействия также может быть отнесен весьма обширный круг периодических изданий. Однако данный пласт научной периодики также не монолитен. Такого рода издания могут быть сгруппированы по различным критериям.

Во-первых, их можно сгруппировать по тематико-отраслевой специализации. На основании данного критерия можно выделить журналы, имеющие археологическую тематико-отраслевую ориентацию (например, «Российская археология»), этнографическую тематико-отраслевую ориентацию (например, «Этнографическое обозрение»), архивоведческую тематико-отраслевую ориентацию (например, «Вестник архивиста»), широкую историческую тематико-отраслевую ориентацию (например, «Исторические записки»), военно-историческую тематико-отраслевую ориентацию (например, «Военно-исторический журнал»), историко-правоведческую тематико-отраслевую ориентацию (например, «История государства и права») и т.д.

Во-вторых, журналы с относительно низким уровнем междисциплинарного взаимодействия можно сгруппировать по географической специализации. На основании данного критерия можно выделить журналы, ориентированные преимущественно на историков, в центре исследовательского интереса которых находятся проблемы отечественной истории (например, «Российская история») (старое название — «Отечественная история»), «Отечественные архивы» и т.д.), журналы, ориентированные преимущественно на историков, исследующих проблемы зарубежной истории (например, «Вестник древней истории», «Средние века» и т.д.) и журналы, на страницах которых соседствуют материалы по зарубежной и по отечественной истории (например, «Клио», «Новая и новейшая история» и т.д.).

В-третьих, среди журналов с относительно низким уровнем междисциплинарного взаимодействия, издаваемых в конце XX — начале XXI вв. можно выделить журналы, которые ориентируются на хронологическую специализацию исследователя (история Древнего мира, медиевистика, новистика и т.д.). Названия многих из них говорят сами за себя: «Вестник древней истории», «Средние века», «Новая и новейшая история».

Резюмируя всё выше сказанное, мы можем заключить, что развитие отечественной исторической периодики как коммуникативного пространства в рассматриваемый нами период характеризуется многомерностью и многообразием. Оно в полной мере отражает воздействие факторов политического, социокультурного и экономического контекстов на процесс осуществления профессиональными историками научной коммуникации. Она характеризуется

повышением плотности и интенсификацией взаимодействия членов научного сообщества. Следствием является интенсивный рост количества периодических изданий и их разноплановость. Типологизировать и классифицировать, выходящие в 1980 — 2000 гг. профессиональные исторические журналы можно по различным критериям. Среди основных критериев стоит выделить такие факторы, как период возникновения издания; географическое местоположение редакции издаваемого журнала; источник его финансирования; его вхождение, или невхождение в перечень ВАК РФ, уровень междисциплинарного взаимодействия в рамках издания. Выделяемые в соответствии с данными критериями группы журналов также не являются монолитными, а включают в себя различные подгруппы. Однако их подробный анализ является предметом отдельного исследования.

Библиографический список

1. Савельева, И. М. Российские историки в зарубежных журналах [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев // Диалог со временем. — 2010. — № 32. — С. 5 — 21.
2. Гохберг, Л. М. Российская наука: библиографические индикаторы [Текст] / Л. М. Гохберг, Г. С. Сагиева // Форсайт. — 2007. — № 1. — С. 44 — 53.
3. Потапова, Н. Д. Историческая периодика в ситуации языкового выбора [Текст] / Н. Д. Потапова // Исторические исследования в России — II: Семь лет спустя. — М., 2003. — С. 31 — 57.
4. Кикимбаева, А. С. Журнал «Ab Imperio» в поле современной научной периодики [Текст] / А. С. Кикимбаева // Исторический ежегодник. — Вып. 2. Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования / под ред. А. В. Якуба, В. П. Корзун. — Омск, 2008. — С. 92 — 99.
5. Winter, C. Zeitschrift [Текст] / C. Winter // Grundwissen Medien. — München: Fink, 2000. — S. 413 — 432.
6. Свешников, А. В. Исторические альманахи «Одиссей», «Казус», «Диалог со временем»: поиски моделей научной коммуникации. [Текст] / А. В. Свешников, Б. Е. Степанов. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 28 с.
7. О журнале «Родина» [Электронный документ]. — URL : http://www.istrodina.com/rodina_about.php3 (дата обращения : 12.01.11).
8. Корзун, В. П. На первый-второй рассчитайтесь: человек второго плана как исследовательский проект [Текст] / В. П. Корзун, Д. М. Колеватов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — 2009. — № 28. — С. 342 — 358.
9. Харитонович, Д. Э. Десять лет странствий «Одиссея» [Текст] / Д. Э. Харитонович // Средние века. — 2001. — № 62. — С. 213 — 229.
10. Свешников, А. В. Академическое сообщество и постсоветская историческая периодика [Текст] / А. В. Свешников, Б. Е. Степанов // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. — Т. XVI. — М., 2009. — С. 243 — 249.
11. Рыженко, В. Г. «Территория для диалогов» — особая миссия научного альманаха «Диалог со временем» в интеллектуальном пространстве конца XX — начала XXI вв. [Текст] / В. Г. Рыженко // Мир историка : историографический сборник. — Вып. 3. — Омск, 2007. — С. 42 — 63.
12. Свешников, А. В. Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов [Текст] / А. В. Свешников, Б. Е. Степанов // Мир историка: историографический сборник. — Вып. 4. — Омск, 2008. — С. 387 — 411.
13. Общественные науки и современность [Электронный документ]. — URL : <http://ecsocman.edu.ru/ons/> (дата обращения : 12.01.11).

14. Новое литературное обозрение [Электронный документ]. — URL : <http://magazines.russ.ru/nlo/> (дата обращения : 14.01.11).

ДЕНИСОВ Юрий Петрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Дос-

тоевского, старший преподаватель кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук Омской государственной медицинской академии.

Адрес для переписки: e-mail: yurden1984@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2011 г.

© Ю. П. Денисов

УДК 304.444:930.85

И. В. ВИНИЧЕНКО

Омский государственный
институт сервиса

ПЕРЕМЕНЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

В статье рассматриваются изменения в социально-экономической политике государства в «хрущевский» период. Выявлены основные события и явления, оказавшие влияние на изменение повседневной жизни советских людей.

Ключевые слова: советское общество, повседневная жизнь горожан, новые потребности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2012 годы, государственный контракт № 14.740.11.0569.

Период 1950-х – середины 1960-х годов является исключительно важным в отечественной истории, существенно повлиявшим на дальнейшее развитие государства и общества. Многогранный процесс развития страны на данном этапе получил неоднозначное, подчас противоречивое отображение в научных трудах, публицистике, литературе и искусстве. В данной статье предлагается обратиться к исследованию влияния новой социально-экономической политики государства в период «оттепели» на повседневную жизнь горожан.

Чтобы охарактеризовать образ жизни людей в рассматриваемый период, необходимо выделить основные события и явления во всем многообразии процессов, происходящих в жизни Советского Союза. Для этого предлагается соотнести значимые направления социально-экономической политики государства с данными статистики, публикациями в средствах массовой информации и воспоминаниями очевидцев событий.

Сначала охарактеризуем ситуацию, сложившуюся в стране к началу исследуемого периода. Для советского общества, его граждан, вынесших на своих плечах основную тяжесть войны, послевоенные годы стали временем новых тяжелых испытаний. Война оказала воздействие не только на приоритеты экономического развития, но и внесла коррективы в проводимый властью идеологический курс. В сложней-

ших условиях глобального противостояния с Западом Советскому Союзу пришлось решать задачи восстановления разрушенного войной хозяйства, возвращения к мирной жизни миллионов людей. К объективным трудностям прибавились трудности субъективного характера, связанные с ужесточением политического режима, активизацией репрессивного аппарата, борьбой сталинского руководства с проявлениями инакомыслия. Послевоенный период характеризуется усилением диктата над различными областями научной и культурной жизни. Одной из его причин стало участие большого количества простых граждан в освободительном походе против фашизма по странам Европы. Впервые, оказавшись в другом мире, советские люди получили возможность сопоставить жизненные реалии двух систем. Сравнение, как правило, оказывалось не в пользу Советского Союза.

С приходом к власти нового партийно-государственного руководства, со второй половины 1953 года, наметились преобразования в экономике страны. Их характер и направленность свидетельствовали о некоторых изменениях экономического курса. Как наиболее значимые можно отметить перемены, которые касались сельского хозяйства, его ускоренного подъема с целью обеспечения населения продовольствием, а легкой промышленности — сырьём. Началась разработка новой аграрной политики, основы которой были утверждены на сентябрьском (1953 г.)

Пленуме ЦК КПСС. С 1954 года началось освоение целинных и залежных земель. Для подъёма целины в восточные районы страны — на Южный Урал, в Сибирь, Казахстан — прибыло свыше 350 тысяч переселенцев.

Кроме того, одной из центральных тем, имеющих ключевое значение во внутренней политике в середине 1950-х годов, являлся вопрос о соотношениях групп отраслей промышленности: группы «А» (производство средств производства) и группы «Б» (производство предметов потребления). От формирования этих пропорций напрямую зависело экономическое состояние общества, его хозяйственные характеристики. В 1953 году на сессии Верховного Совета Г. М. Маленков выступил с сообщением «О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа». Суть этих задач и мер сводилась к организации подъёма производства предметов потребления и повышению их качества.

Успешное претворение в жизнь этих направлений развития экономики в течение двух — трёх лет могло «резко повысить обеспеченность населения продовольственными и промышленными товарами: мясом, рыбой, маслом, сахаром, кондитерскими изделиями, тканями, одеждой, обувью, посудой, мебелью» [1].

По воспоминаниям, почти половина населения страны поверила обещаниям накормить, одеть и обуть народ за два — три года. Веру в лучшее укрепляло регулярное снижение цен. Мнения существовали разные. Ю. В. Аксютин в работе, основанной на социологических опросах населения, приводит следующие ответы респондентов: «В сердце затаилась надежда. Все хотели жить лучше. <...> Стали сытыми, будем и обутыми» [2, с. 56]. Там же опубликован отрывок из выступления главного редактора газеты «Правда» Д. Т. Шепилова: «Мы теперь займёмся наконец-то бытом. И не только стандартные, не отличимые одно от другого платья будут. И каждый из нас станет покупать себе такое, какое отвечает нашим габаритам (размерам плеч, талии, бёдер и так далее), но и вкусам, моде» [2, с. 57].

Но переориентирование экономики на развитие агросферы и лёгкой промышленности было кратковременным. У руководства страны отсутствовала развёрнутая концепция преобразований в области экономики. В начале 1955 года Г. М. Маленков — сторонник стратегии развития лёгкой промышленности — был вынужден покинуть пост председателя Совета Министров. Вновь восстанавливался принцип приоритетного развития производства средств производства, что нашло отражение в планах шестой пятилетки и семилетки (1959 — 1965 гг.).

Как результат — нарастали структурные диспропорции. Если в 1940 году удельный выпуск средств производства составлял 61,2 %, то в 1960 году он поднялся до 72,5 % при соответствующем понижении доли производства предметов потребления [3, с. 117]. Освоение целинных земель не принесло значительного повышения урожайности, а ряд просчётов в области земледелия, организации сельскохозяйственного производства и личного подсобного хозяйства привело к нехватке продовольствия, о чём свидетельствуют воспоминания очевидцев: «Пустые магазины и рынки, уныние на женских (да и на мужских) лицах» [2, с. 331].

Социальная политика государства в рассматриваемый период была тесно связана с новым политическим курсом страны. Значимым событием является выступление Н. С. Хрущёва на XXI съезде КПСС (1959 г.), где он выдвинул самую смелую и в то же время самую

авантюрную из своих идей — догнать и перегнать США по промышленному и сельскохозяйственному производству на душу населения к 1970 году. Было заявлено, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [3, с. 118].

В результате в годы «оттепели» развернулась широкомасштабная идеологическая кампания по пропаганде преимуществ социалистического строя и превосходств советского образа жизни. Но развитие социальной сферы в Советском Союзе по-прежнему катастрофически отставало от потребностей людей. Руководством страны была «выдвинута широкая программа повышения жизненного уровня, включавшая в себя сокращение рабочего времени, массовое жилищное строительство, повышение заработной платы низкооплачиваемым работникам и целый ряд других важных преобразований» [4]. Постепенно росли денежные доходы людей. В 1957 году началась реализация широкой программы повышения зарплат: в 1961 году по сравнению с 1950 годом она возросла в 1,3 раза [5, с. 519]. Динамика изменения среднемесячной заработной платы рабочих, ИТР и служащих Сибири с 1950 по 1960 год, по данным С. С. Букина, составила более 150 % [6]. Были увеличены зарплаты низкооплачиваемым рабочим в промышленности. Так, минимальная зарплата выросла с 40 — 45 рублей в 1957 году до 60 рублей в середине 1960-х годов при стабильном уровне государственных цен на основные товары и услуги [3, с. 165]. Для подростков устанавливался шестичасовой рабочий день, для остальных рабочих и служащих он сокращался на два часа в субботние и праздничные дни, а затем был осуществлён переход на пятидневную рабочую неделю.

Но рост заработной платы не привёл моментально к значительному повышению благосостояния людей. Так как в это время по-прежнему проводилась политика размещения основных средств в тяжёлой промышленности, то в середине 1950-х годов недостаток товаров широкого потребления вызывал массовое недовольство населения. Спрос на них в лучшем случае удовлетворялся на 40 — 50 %. А низкое качество продукции лёгкой промышленности способствовало тому, что для стороннего наблюдателя советские люди 1950-х годов похожи даже внешне: столичная толпа «равномерно скромна, одета больше всего в тёмную одежду» [7]. Г. Маркес, приехав в Москву, обнаружил, что «все в старой и плохо сшитой одежде и дурной обуви» [8]. Многие изделия отечественного производства были морально устаревшими и откровенно низкого качества, а выбор отсутствовал. В обиход вошло понятие «достать», вытеснившее понятие «купить» [3, с. 167].

К концу 1950-х годов изменилась социальная структура общества, что отразила проведённая в 1959 году Всесоюзная перепись населения СССР. Выросла численность жителей страны. Быстро росли большие города (с численностью свыше 100 тыс. человек), в 1959 году таких в СССР было 89 (накануне войны — 47) [3, с. 167]. Характерной чертой урбанизации был ускоренный рост числа жителей больших городов. Например, по данным переписи 1959 года, в городах с населением свыше 100 тыс. человек проживало 67,3 % горожан западносибирского региона [9]. Таким образом, в конце 1950 — начале 1960-х годов абсолютное большинство «фактических» горожан родилось в деревне и весьма немногие были горожанами во втором поколении, которое так же несло на себе отпечатки «сельского» менталитета, хотя было более адаптированным к городским условиям. В 1962 году численность городского населения (111,2 млн чело-

век) впервые в истории страны превысила численность сельского (108,6 млн человек) [3, с. 161].

С ростом городского населения ещё острее стал жилищный вопрос. Первые шаги в решении жилищной проблемы были сделаны в 1954 году: с осуждением парадности и «украшательства» в архитектуре начался переход к строительству домов индивидуальным методом. После XX съезда КПСС программа жилищного строительства приобрела новые черты. За период с 1956 по 1964 год городской жилищный фонд увеличился на 80 %, было построено 767 млн кв. м жилья [5, с. 538]. 2 августа 1957 года было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии жилищного строительства, в котором Госплану и республиканским органам власти предписывалось «при определении объёмов жилищного строительства исходить из необходимости ликвидации в ближайшие 10 — 12 лет недостатка в жилищных для трудящихся» [10]. В 1957 году законодательно было определено, что нормальным жильём для семьи должна являться отдельная квартира. Началось массовое переселение горожан из коммунальных квартир, а также из бараков и сараев. Во второй половине 1950-х годов почти четвертая часть населения страны переселилась в новые квартиры. Если в 1951 — 1956 годах жилищные условия улучшили 38,4 млн человек, то в 1957 — 1961 годах — уже 57,5 млн [11, с. 203]. Это способствовало тому, что советские люди впервые обзавелись собственным жильём. Переезд на новую квартиру воспринимался не просто как большое событие, а великое счастье [12]. В результате у человека появилось личное пространство, личные вещи, изменилась сфера его повседневных забот.

Массовое строительство велось за счёт использования стандартных проектов и дешёвого строительного материала — «без архитектурных излишеств». Получение отдельной бесплатной квартиры от государства было связано с определёнными трудностями. Существовали системы очередей на них, а также чёрных списков по благу. Это касалось всех сфер жизнедеятельности советского человека 1960-х годов.

Размах жилищного строительства и предоставления индивидуальных квартир населению в исследуемый период имели решающее значение в изменении социально-бытового уклада советского общества, так как влекли за собой перемены в общественном сознании. Политика государства в жилищной сфере не ограничивалась возведением дешёвого жилья. Развернулось строительство «объектов соцкультбыта»: школ, детских садов, поликлиник, центров бытовых услуг. Застройка городов планировалась целыми микрорайонами. Подобная тенденция была характерна и для крупных сибирских городов. Например, местная пресса так описывает строительство нового микрорайона г. Новосибирска: «Здесь вырастет 29 пятиэтажных домов, причём 11 крупнопанельных. Крупные панели в Новосибирске применяются впервые. В домах массива будет более 2 тыс. квартир общей площадью 62 тыс. кв. м. Кроме жилых домов планируется построить школу на 920 мест, два детских сада, двое яслей, шесть гаражей для автомашин, три трёхэтажных здания, где разместятся столовая, парикмахерская, продовольственный и промтоварные магазины, комбинат бытового обслуживания» [13].

Тенденция к улучшению социальных параметров развития — характерная черта этого исторического периода. Социальная политика на рубеже 1950 — 1960-х годов имела уравнивательную ориентацию. Расширились возможности рабочих и служащих в области получения образования и медицинской помо-

щи, потребления более ценных продуктов питания и предметов домашнего обихода. То, что прежде составляло привилегии номенклатуры и приближенной к ней культурной и производственной «аристократии», становилось доступным для более широких слоёв населения.

Но, несмотря на определённые усилия, направленные на повышение жизненного уровня населения, общественное расслоение общества закрепились. К верхнему слою относились руководящие работники партийного, государственного и хозяйственного аппаратов, деятели науки и искусства высшего ранга и другие привилегированные персоны. Средний слой, наряду с квалифицированными рабочими, состоял, прежде всего, из служащих, имеющих специальное образование. Их заработная плата в процессе реформы по сравнению с заработной платой промышленных рабочих уменьшилась. Так, если в 1940 году заработная плата инженера составляла 215 % от заработной платы рабочего, то в 1960 году — 151 %. При этом преимущественно женские профессии врача и учителя теперь оплачивались хуже, чем труд квалифицированного рабочего (заработная плата в системе здравоохранения в 1940 г. составляла 79 %, в 1960 г. — 66 %; в системе образования в 1940 г. — 102 %, в 1960 г. — 78 % от заработной платы рабочего) [14].

Кроме того, необходимо учитывать, что в советском обществе материальное положение зависело от льгот, предоставлявшихся отдельным группам населения. Так, средний слой, как правило, пользовался льготами первоочередного снабжения продуктами и товарами потребления через специальные магазины и столовые предприятий. Элита общества не только получала более высокие доходы, но и соответствующие их положению льготы. Решающее значение для неё имело предоставление квартир, дачи, служебного автомобиля, путёвок в санаторий и т. д.

В итоге улучшение жилищных условий и увеличение доходов сопровождалось увеличением потребления и изменением в структуре предметов домашнего обихода. Особенно быстро росла продажа товаров длительного пользования хозяйственного и культурно-бытового назначения. Однако предложение этих товаров отставало от спроса. Их ассортимент и качество зачастую не соответствовали требованиям покупателей. Например, в омских магазинах сложно было купить такие товары, как мебель, предметы домашнего обихода, бельё, детские вещи и многие другие товары [15].

Отношение государства к человеку носило противоречивый характер. По замечанию О. Л. Лейбовича, расширение личных прав происходило «естественным путём, если под последним понимать движение от прецедента к массовому явлению, спустя какое-то время становившемуся нормой повседневного поведения» [16]. Однако власть оставляла за собой возможность в любой момент наказать ослушника.

XX съезд КПСС создал предпосылки для формирования новых подходов познания общества. Либерализация общественно-политической жизни дала мощный импульс для развития литературы и искусства. Было ослаблено идеологическое воздействие на творчество художественной интеллигенции. Оживлению духовной жизни общества способствовало возникновение новых творческих союзов, появилось большое количество новых литературных журналов. В литературе возрос интерес к человеку, его духовным ценностям.

Сразу после Великой Отечественной войны началась работа по восстановлению научных центров.

Открылись новые научно-исследовательские институты, в том числе атомной энергии, физической химии, точной механики и вычислительной техники. Вступление СССР в эпоху научно-технической революции потребовало расширения сети исследовательских учреждений, создания новых отраслевых институтов. Было организовано Сибирское отделение Академии наук СССР. Увеличились ассигнования на научные цели. Вошли в практику выступления советских учёных на международных конгрессах и конференциях. Становилось очевидным, что разделявший Восток и Запад «железный занавес» начинал разрушаться. Несомненно, ослабление «железного занавеса» имело огромное значение для советского общества. Теперь было позволено целевым группам выезжать за границу, и вторая половина 1950-х годов ознаменовалась расширением контактов советского общества с внешним миром. В 1956 году за границу выехало 560 тысяч граждан, а за два последующих года — около полутора миллионов рабочих, колхозников, деятелей науки и культуры [11, с. 221]. Количество выезжающих за рубеж увеличивалось, расширился круг стран, доступных советским туристам. Так, в печати сообщалось о количестве поездок жителей Новосибирской области: в 1958 году в экскурсионные туры за границу выехало только 280 человек, в 1959 году — 500, в 1960 — уже 1500 человек. «Они посетили Францию, Австрию, Финляндию, Бельгию, Турцию, больше всего выезжали в Чехословакию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию» [17].

В СССР проходили гастроли западных театров, джазовых коллективов, выставки моделей одежды. Важным событием в жизни страны стал Международный фестиваль молодёжи и студентов (1957 г.). Через страны социалистического лагеря и международные фестивали и выставки в Советский Союз проникали новые веяния моды и бытовой культуры.

Таким образом, в годы оттепели произошли крупные перемены в советской жизни. Страна вышла из периода массовых репрессий. Постепенно шло освобождение общественного сознания от идеологии эпохи сталинизма. Социально-экономическое развитие страны отличалось динамичностью, начавшимся духовным раскрепощением. Период 1950-х — середины 1960-х годов был ознаменован большими достижениями в науке, технике, культуре, демократизацией многих сфер общественной жизни, улучшением материального благосостояния народа.

Размах жилищного строительства в исследуемый период имел решающее значение в изменении социально-бытового уклада советского общества. Высокие темпы жилищного строительства, предоставление индивидуальных квартир повлекли за собой перемены в общественном сознании. Улучшение жилищных условий и рост доходов сопровождалось увеличением потребления и изменением в структуре предметов домашнего обихода. Своеобразный потребительский бум столкнулся с неспособностью советской промышленности обеспечить потребности населения в предметах широкого потребления. В условиях товарного дефицита на фоне развернувшейся борьбы с «мещанством» у советского человека сформировалось новое отношение к предметно-вещной

среде. Вещи стали символом социального статуса.

В целом, годы «оттепели» благотворно отразились на духовном климате страны. Характерной чертой советского общества 1950 — 1960-х годов являлся социальный оптимизм, хотя прямое участие широких народных масс в общественно-политических и социально значимых дискуссиях было затруднено целым рядом материальных и морально-психологических трудностей, обусловленных уровнем жизни и культуры народа в этот период.

Библиографический список

1. Правда. — 1953. — 9 августа.
2. Аксютин, Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 — 1964 гг. / Ю. В. Аксютин. — М. : РОССПЕН, 2000. — 486 с.
3. Новейшая история России, 1945 — 2006 гг. : кн. для учителя / А. В. Филиппов. — М. : Просвещение, 2007. — 494 с.
4. Верт, Н. История советского государства в 1900 — 1991 годы / Н. Верт. — М. : Прогресс-Академия, 1992. — С. 359.
5. Народное хозяйство СССР в 1970 г. : статистический сборник / ЦСУ СССР. — М. : Финансы и статистика, 1971. — 823 с.
6. Букин, С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.) / С. С. Букин : отв. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991. — С. 32 — 33.
7. Перси, У. Три поиска одного образа: Россия / СССР в прозе Карло Леви, Альберто Маравиа, Джованнини Гуарески / У. Перси // Вестник Евразии. — 2008. — № 1. — С. 39 — 40.
8. Маркес, Г. 22 400 000 квадратных метров без единой рекламы кока-колы / Г. Маркес // Латинская Америка. — 1988. — № 3. — С. 97 — 98.
9. Население Западной Сибири в XX веке. — Новосибирск : Издательство СО РАН, 1997. — С. 139.
10. О развитии жилищного строительства в СССР. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР // Правда. — 1957. — 2 августа.
11. Пыжиков, А. В. Политические преобразования в СССР (50 — 60-е годы) / А. В. Пыжиков. — М. : Квадрат С, 1999. — 305 с.
12. Погодин, Н. Янтарное ожерелье / Н. Погодин // Юность. — 1960. — № 1. — С. 3 — 5.
13. Демин, В. Таким будет второй жилмассив / В. Демин // Советская Сибирь. — 1959. — 22 февраля.
14. Мерль, С. Экономическая система и уровень жизни в до-революционной России и Советском Союзе. Ожидания и реальность / С. Мерль // Отечественная история. — 1998. — № 1. — С. 107.
15. Хелмицкий, Н. Больше товаров народного потребления / Н. Хелмицкий // Омская правда. — 1959. — 4 января.
16. Лейбович, О. Л. Реформа и модернизация в 1953 — 1964 гг. / О. Л. Лейбович — Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1993. — С. 152.
17. Новосибирские туристы за границей // Советская Сибирь. — 1960. — 9 июня.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Конструирование швейных изделий».

Адрес для переписки: e-mail: irvin61@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2010 г.

© И. В. Виниченко

«РЕЛЬСОВЫЕ ВОЙНЫ» В РОССИИ В 1998 Г. (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Представлен историографический анализ «рельсовых войн» в России в 1998 г. Рассматриваются работы федерального, регионального и местного уровней.

Ключевые слова: Россия; «рельсовые войны», историография.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы», проект № П657.

Кризисные явления в нашей стране в большей мере носят системный воспроизводственный характер, а разразившийся глобальный финансовый кризис лишь приблизил его острую фазу. При этом общее состояние отечественной промышленности по сравнению с 1998 г., к сожалению, ухудшилось [1, с. 24]. Таким образом, не все уроки предыдущего финансово-экономического кризиса были учтены в стратегии развития Российского государства в период последнего десятилетия. Все это обуславливает высокую степень актуальности и практической значимости изучения протестного движения в стране во время перехода к рыночным отношениям. Особого внимания заслуживает анализ радикальных форм борьбы трудящихся, пенсионеров и безработных в процессе отстаивания своих экономических прав и интересов.

На основании вышесказанного научный интерес вызывает анализ протестных акций 1998 г., кульминацией которых стали «рельсовые войны». Их широкий резонанс отразился на значительном спектре трудов историков, философов, социологов, политологов и экономистов, посвящённых поднимаемой проблеме. Все труды можно представить двумя группами, критерием классификации которых является определение роли и места протестного движения в процессе демократизации общества во время перехода к рыночным отношениям.

В большинстве работ высокий уровень политической активности трудящихся, пенсионеров и безработных в 1998 г. связывается с существенными ошибками в экономике и социальной сфере, которые были допущены президентом и правительством РФ в процессе реализации «шоковой терапии». По мнению сторонников данной позиции, внутривластный курс руководства нашего государства в 1990-е гг. мало соответствовал принципам демократического строительства. Протестное движение они считают инструментом, который сдерживал «антинародные» преобразования.

Одной из первых значимых работ этой группы является монография известного историка и социолога В. И. Ильина «Власть и уголь: шахтёрское движение Воркуты (1989–1998 годы)» [2]. Исследователь подчеркнул видное место акций протеста 1998 г. в общественно-политической жизни страны, а также их особенности — масштабность шахтерских выступлений и эволюция требований: от экономических к политическим. Анализируя «рельсовое»

противостояние в мае 1998 г., В. И. Ильин показал высокую степень солидарности горняков Воркуты и Инты. Вместе с тем он отметил и негативные для воркутинцев последствия блокады Северной железной дороги, предпринятой интинцами. Участие воркутинцев в этой акции, по его мнению, создало проблемы в первую очередь для них самих, т.к. привело к потере доверия со стороны потребителей угля.

Автор монографии подчеркнул разочарование воркутинцев либеральными преобразованиями, которые привели к обострению социально-экономических проблем. Соответственно, главным итогом роста протестного движения в 1989–1998 гг. стала «тенденция перехода части шахтеров от тотального антикоммунизма к радикальным формам коммунистической идеологии».

Все же научное сочинение В. И. Ильина имеет региональный характер. Освещение участия шахтеров Воркуты в «рельсовых войнах» представлено поверхностно.

Много полезной информации по нашей проблеме содержится в монографии В. А. Борисова «Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.)» [3]. В работе акцентируется внимание на таких важных для нас вопросах как: высокий уровень протестной активности работников бюджетного сектора угольных регионов, отрицательная динамика объема государственных дотаций в угольную промышленность, неэффективность переговоров угольщиков с разными департаментами министерства топлива и энергетики во время «рельсового» противостояния, распространение в 1998 г. практики стихийных акций протеста, преследование активистов «рельсовых войн» и др. Впервые на научном уровне критикуется отсутствие смены курса реформ правительством весной 1998 г., когда для этого был хороший шанс. Справедливо отмечается тенденция децентрализации и фрагментации протестной активности в угольной промышленности на протяжении всех 1990-х гг.

Общественно-политическая борьба в современной России стала объектом многих социологических исследований и их обобщений. Одним из наиболее авторитетных исследователей протестного движения является кандидат социологических наук И. А. Климов. Вскоре после «рельсовых войн» им были опубликованы статьи: «Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон» [4] и «Шахтеры

в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции?» [5], в которых анализируются результаты радикальных действий шахтёров. Автор подчеркнул отсутствие механизма разрешения подобных конфликтов в практике политических отношений в стране.

Главным итогом участия шахтёров в «рельсовых войнах» 1998 г. автор справедливо считает появление навыков совместных действий и организационное оформление протестных акций, а также утверждение мнения, что реально защитить свои интересы можно только ширококомасштабными акциями, решительными действиями и категоричными требованиями.

На протяжении многих лет вопросы развития рабочего движения изучает кандидат философских наук Института социологии РАН Б. И. Максимов. Результаты его социологических исследований отражены в монографии «Рабочие в реформируемой России, 1990-е — начало 2000-х годов» [6]. В ней проводится сравнительный анализ зарубежного и российского забастовочного движения, на основании чего выделяются уникальные особенности современного отечественного протеста, с которыми сложно не согласиться: апелляция к справедливости и привлечение внимания к бедственному положению, коллективный и высокопотенциальный характер, нескоординированность действий и дефицит солидарности, втягивание рабочих в борьбу против новых собственников и т.д. Автор уверен в том, что рабочее движение 1990-х гг. является составной частью общедемократического движения.

Не оставил без внимания Б. И. Максимов и блокаду железных дорог трудящимися и пенсионерами в 1998 г. «Рельсовые войны» в Кузбассе в мае — июле этого года он характеризует как «крупное сражение перманентной войны труда с капиталом, показавшее силу рабочего сопротивления».

Среди ученых, чьи труды посвящены исследованию протестного движения, выделяется доктор философских наук Л. А. Булавка. В 2004 г. вышла в свет ее монография «Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России» [7]. Работа содержит жесткую оценку «рыночных реформ», а протест рассматривается логическим ответом на ухудшение жизни большей части населения России. По мнению автора, в 1998 г. рабочие уже выступали против «святая святых» рыночных реформ — сложившегося в результате приватизации распределения прав собственников и характера экономической власти на предприятиях. Примечательно, что протестное движение она характеризует в первую очередь культурной и лишь потом социальной альтернативой современной российской реальности.

«Рельсовые войны» 1998 г. в данной монографии посвящен отдельный параграф. Обращают на себя внимание выделенные автором причины, породившие эту радикальную форму протеста: экономическая бесперспективность, неотесанность и грубость начальства, его стремление жестко подавить рабочих лидеров. Однако анализ «рельсовых войн» ограничивается двумя страницами, которые освещают события в Кузбассе. Другие регионы, где происходили перекрытия железнодорожных магистралей, не получили должного освещения.

Решение рабочего вопроса в контексте политического развития современной России рассматривает доктор экономических наук, профессор М. И. Воейков. В его статье «Рабочий вопрос в России» [8] анализируется влияние общественно-политических организаций на рабочее движение. Сложно не согласиться

с ученым в том, что «российские профсоюзы никогда не выступали как боевой авангард и организующая сила рабочего класса», что особенно было заметно во время «рельсовых войн» 1998 г.

Рабочий класс и рабочее движение в России является объектом научных исследований доктора исторических наук, профессора В. П. Андреева из г. Томска. В его статье «От "шокотерапии" к "рельсовой войне"» [9] делается справедливый вывод о том, что рабочие и другие слои трудящихся, оказались не в силах себя защитить в условиях «рыночных реформ» 1990-х гг.

В Кузбассе «рельсовое противостояние» в 1998 г. явилось наиболее мощным, радикальным и последовательным на фоне других очагов протестного движения в стране. Высокий уровень политической активности кузбассовцев имел место на всем протяжении 1990-х гг. В течение этого времени произошли качественные изменения в их взглядах на цели, задачи и методы борьбы. Данные изменения хорошо отражены в статье Д. В. Воронина «Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм» [10]. Учёный убедительно показал смену парадигм борьбы трудящихся края, в основе которой была тенденция перехода от чисто экономических требований и протеста, от обращений к властям и предпринимателям — к попытке трудовых коллективов взять в свои руки налаживание экономической жизни предприятий.

«Рельсовые войны» в Кузбассе разразились в первый год губернаторства А. Г. Тулеева. Поэтому он неоднократно высказывал свое мнение по поводу данной акции протеста. При этом в каждой последующей работе объем материала посвященный разблокированию Транссиба в мае и июле 1998 г. всегда увеличивается. В своей последней книге «Преодоление» [11] доктор политических наук, профессор А. Г. Тулеев 12 страниц посвятил всекузбасской акции протеста. На этих страницах публикуются не только воспоминания, но и высказывается позиция губернатора по отношению к пикетчикам, правительству и Президенту РФ. По его мнению, органы федеральной власти не проявили мобильности и решительности в сложившейся ситуации, а разрешать конфликт пришлось региональной исполнительной власти. Сочувствуя трудящимся и пенсионерам, губернатор Кемеровской области подчёркивает разрушительный характер «рельсовых войн» как для региона, так и для страны.

Важным явлением в изучении роли и места «рельсовых войн» в протестном движении Кузбасса и страны стало появление монографии юргинских историков и краеведов И. С. Соловенко и К. В. Епифанцева «"Рельсовая война" в Юрге в 1998 году» [12]. Авторы сумели показать основные причины, этапы, особенности, результаты и значение блокады Транссиба в районе г. Юрги Кемеровской области во время всероссийской акции протеста.

Вторая группа трудов является менее объемной, но вполне представительной. Протестные действия россиян во время перехода к рыночным отношениям (особенно во второй половине 1990-х гг.) оцениваются исследователями данной группы как угроза либерально-демократическому развитию страны. Радикальные акции, в том числе «рельсовые войны» представляются попытками левой оппозиции воспользоваться «объективными временными трудностями».

Наиболее авторитетным исследователем второй группы является доктор исторических наук Л. А. Гордон. Совместно с коллегами он опубликовал в 1999 г.

обстоятельное исследование — «Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен» [13]. Ученые справедливо указывают на такую особенность протеста шахтёров в 1990-е гг., как сочетание в их действиях стихийных и организованных начал. Особое внимание авторов приковано к блокаде Транссиба в мае и июле 1998 г. В оценке «рельсовых войн» подчёркивается «преобладание всё-таки организованности». Коллектив Л. А. Гордона солидарен с позицией И. А. Климова в том, что «рельсовая война» оказалась действенным (и, пожалуй, единственно эффективным) средством заставить власти и работодателей искать пути выхода из кризиса невыплаты зарплаток.

Между тем в содержании книги прослеживается отрицательно отношение авторов к «рельсовым войнам». Л. А. Гордон и его коллеги часто ставят в пример факты поведения шахтёров во время забастовочного движения в конце 1980-х — начале 1990-х гг., которое носило «более рациональный» характер.

В течение 2000 — 2001 гг. вышли два тома совместной работы Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Потери и обретения в России девяностых» [14 — 15]. В книге отражено влияние условий труда и уровня жизни большинства населения страны на рост забастовочной активности. Во втором томе впервые в историографии проблемы дается жесткая оценка действий политической элиты страны во время «рельсовых войн» 1998 г. По мнению ученых, в этот момент страна оказалась перед угрозой «социального распада». Все же протестные акции 1998 г. представляются как угроза либерально-демократическому движению.

Многие особенности, тенденции и закономерности протестного движения во время «рельсовых войн» в 1998 г. выявил известный исследователь рабочего класса А. М. Кацва в своей монографии «Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наёмных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности» [16]. Это низкий авторитет профсоюзов среди рабочих, психологическая опустошенность народных масс, радикализация морально-психологических настроений в обществе, масштабность забастовочного движения, радикализация форм и методов протеста, разрушительный характер протестных действий, угроза социального взрыва, разрастание межпрофессионального конфликта и т.д. Впервые в научной литературе «рельсовые войны» 1998 г. характеризуются не как «майская вспышка недовольства», а конфликт растянувшийся «на довольно значительное время».

В монографии обстоятельно показаны социально-экономические предпосылки массовых протестов в 1998 г.: усиление роста социальной дифференциации, рост производственного травматизма со смертельным исходом на предприятиях угольной промышленности и др. Несмотря на критику «шоковой терапии», по мнению автора, вектор протестного движения в конце 1990-х гг. всё-таки был направлен на сворачивание демократических реформ в стране.

Однако сложно согласиться с мнением А. М. Кацвы по вопросу роли КПРФ в «рельсовых войнах» 1998 г. На наш взгляд, действия компартии и ее роль в инициировании всероссийской акции протеста им несколько преувеличены.

Из региональных работ первоочередной интерес представляют последние труды доктора исторических наук, профессора Л. Н. Лопатина — «Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев» [17] и «Шахтёры и "начальство" о рабочем движении Кузбасса в 1989 — 90-е гг.» [18]. Они

содержат богатую источниковую базу о рабочем движении в шахтёрском крае с конца 1980-х гг. до наших дней. Кроме того, автор представил краткий анализ забастовочного движения шахтёров 1989 — 1991 гг., который позволяет выявить общие с «рельсовыми войнами» 1998 г. тенденции и особенности развития. Это действие единого координационного центра, ведущая роль шахтёров и т.д.

Л. Н. Лопатин негативно отозвался о «рельсовых войнах» 1998 г., обвинив левую позицию в организации данной акции. Причины кризисных явлений в 1990-е гг. в экономике края исследователь связал с отсутствием сильных общественных структур, способных, как они делали в 1989 — 1991 гг., контролировать социально-экономическую ситуацию «снизу». Однако сложно согласиться с данным выводом, так как вполне достаточно вспомнить результаты социально-экономического развития периода 1989 — 1991 гг. К сожалению, «рельсовые войны» 1998 г. остались почти незамеченными.

В целом, анализ степени изученности проблемы имеет следующие положительные особенности: 1) имеются сочинения федерального, регионального и местного уровней; 2) хорошо освещены причины и факторы осложнения социально-экономической и политической обстановки в стране и угольных регионах во второй половине 1990-х гг.; 3) встречаются работы, в которых отражены позиции непосредственных участников «рельсового противостояния»; 4) труды, в которых имеется информация о протестных акциях в различных регионах страны, дают возможность провести сравнительный анализ лозунгов, требований, особенностей стратегии и тактики борьбы и т.д.; 5) альтернативные взгляды исследователей позволяют объективнее рассматривать анализируемые процессы; 6) хорошо отражено участие в «рельсовых войнах» шахтёров.

Вместе с тем историография вопроса характеризуется следующими недостатками: 1) имеется только одна, причем местного уровня, конкретно-историческая работа о «рельсовых войнах» в 1998 г.; 2) наблюдается дефицит информации о протестных действиях пенсионеров и других социальных и профессиональных групп населения; 3) в основном упоминаются «рельсовые войны», которые произошли в мае 1998 г., другие крупные блокады железнодорожных путей этого года почти не упоминаются.

Библиографический список

1. Навой, А. Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий / А. Навой // Вопросы экономики. — 2009. — № 2. — С. 24 — 38.
2. Ильин, В. И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989 — 1998 годы) / В. И. Ильин. — Сыктывкар: Сыктывкарский университет, ИСИТО, 1998. — 270 с.
3. Борисов, В. А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989 — 99 гг.) / В. А. Борисов. — М.: ИСИТО, 2001. — 416 с.
4. Климов, И. А. Протестное движение в России: взаимная обусловленность стратегий сторон / И. А. Климов // Политические исследования. — 1999. — № 1. — С. 148 — 162.
5. Климов, И. А. Шахтёры в «рельсовой войне»: субъект социального действия или объект манипуляции? / И. А. Климов // Мир России. 1999. — Т. VIII. — № 3. — С. 133 — 152.
6. Максимов, Б. И. Рабочие в реформируемой России, 1990 е — начало 2000-х годов / Б. И. Максимов. — СПб.: Наука, 2004. — 277 с.

7. Булавка, Л. А. Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России / Л. А. Булавка. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 176 с.

8. Воейков, М. И. Рабочий вопрос в России / М. И. Воейков // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. — М., 2004. — С. 13–18.

9. Андреев, В. П. От «шокотерапии» к «рельсовой войне» / В. П. Андреев // Бюллетень центра изучения протестного движения в Кузбассе: материалы круглого стола; под ред. В. П. Андреева. — Прокопьевск, 2005. — С. 7–13.

10. Воронин, Д. В. Протестные выступления в Кузбассе в 90-х гг.: смена парадигм / Д. В. Воронин // Проблемы истории Кузбасса. — Прокопьевск, 2002. — С. 91–98.

11. Тулеев, А. Г. Преодоление / Аман Тулеев. — 3-е изд., перераб. и доп. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. — 583 с.

12. Соловенко, И. С. «Рельсовая война» в Юрге в 1998 году: монография: Юргинский технологический институт / И. С. Соловенко, К. В. Епифанцев. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2009. — 135 с.

13. Гордон, Л. А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Л. А. Гордон; под ред. Л. Гордона, Э. Клопова, И. Кожуховского. — М.: Комплекс-Прогресс, 1999. — 352 с.

14. Гордон, Л. А. Потери и обретения в России девяностых: Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2 т. Т. 1. Меняющаяся страна в меня-

ющемся мире: предпосылки перемен в условиях труда и уровне жизни / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — М., 2000. — 304 с.

15. Гордон, Л. А. Потери и обретения в России девяностых. В 2 т. Т. 2. Меняющаяся жизнь в меняющейся стране: занятость, заработки, потребление / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов. — М., 2001. — 512 с.

16. Кацва, А. М. Массовый протест в социально-трудовой сфере. Коллективные действия наемных работников в современной России: истоки, проблемы и особенности / А. М. Кацва. — М.; СПб.: Летний сад, 2002. — 200 с.

17. Лопатин, Л. Н. Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев / Л. Н. Лопатин. — М., 1998. — 617 с.

18. Лопатин, Л. Н. Шахтёры и «начальство» о рабочем движении Кузбасса в 1989–90-е гг. К 20-летию забастовки (Историография. Анализ. Мнения) / Л. Н. Лопатин / ГОУВПО Кемеров. гос. мед. акад., каф. истории и психологии. — Кемерово: [s. n.], 2009. — 224 с.

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления.

Адрес для переписки: e-mail: igs-71@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 19.10.2010 г.

© И. С. Соловенко

УДК 94(571.1) «1920/30»

О. А. ОЗЕРОВА

Омский государственный педагогический университет

ПОЛИТИКА ЗАПСИБКРАЙКОМА ВКП(Б) ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ТЮРКСКИХ ЖЕНЩИН КРАЯ В КЛАССОВУЮ БОРЬБУ (КОНЕЦ 1920-х — 30-е гг.)

В статье анализируется механизм вовлечения женщин партийным руководством Западно-Сибирского края в кампании (хлебозаготовки, коллективизация), а также классовую борьбу против кулаков, баев и священнослужителей. Особое внимание уделяется репрессивной политике райкомов ВКП(б) и партячеек на местах (аулах, юртах, деревнях) по отношению к женщинам, выразивших свое несогласие с генеральной линией ЦК ВКП(б).

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, коллективизация, стахановское движение, репрессии.

В конце 1920-х гг. Сибкрайком ВКП(б) по указанию ЦК ВКП(б) начал широкомасштабную кампанию по вовлечению женщин в классовую борьбу против кулаков, баев и духовенства, тем самым увеличив число своих сторонников. В отчетах районных партийных собраний Западно-Сибирского края отмечалось либо отсутствие, либо недостаточное число женщин-мусульманок, выдвинутых на руководящую работу или избранных в аулсоветы [1]. Например, в Наримановском аулсовете Марьяновского района Омского округа, в который входило шесть аулов,

не было ни одной женщины [2]. В связи с этим в 1929 г. в период предвыборной кампании в местные Советы и Горсовет Сибкрайком партии призвал тюркское население края выбирать в них и женщин. Так, в Омский Горсовет были выдвинуты кандидатуры Файзулиной Ханифы, Кулевой Хайтамы, Курмановой Ганадхан, Абдуловой Гайши, Каримовой Хаят, Муфакхудиновой Фатимы [3]. Также от мусульман-коммунистов и комсомольцев прошла кандидатура Курженбаевой [4]. Е. С. Алагызова, ойротка, член ВКП(б), была выбрана председателем райисполкома (Элекмо-

нарский район, Ойротия). Она участвовала на всероссийском и всесоюзном съездах Советов, окончила Коммунистический университет трудящихся Востока [5]. Председателем райисполкома (Аскизский район, Хакасия) стала А. Ингутова-Маганакова, хакаска, репрессированная в годы «Большого террора» 1937–38 гг. [6, с. 48]. Мусульманская общественность также требовала от советских властей привлекать женщин к общественной жизни. Так, на общем собрании села Топуча (Ойротия) была избрана лидером молодая энергичная ойротка Эрте Чалтынова, которая убедила русских женщин закрыть винный магазин и вместо него открыть пункт по ликвидации неграмотности. Она сама села за парту и стала учиться грамоте. Э. Чалтынова пользовалась авторитетом не только в своем селе, но и в районе. Поэтому её кандидатуру выдвинули от Ойротии в депутаты ВЦИК [7].

Запсибкрайком ВКП(б) дал указание Запсибкрайколхозсоюзу провести межрайонное совещание колхозниц-ударниц национальных меньшинств. На территории Западной Сибири оно проводилось впервые (15–24 декабря 1931 г.). Целью его было привлечение нацменок к участию в весенней и посевной кампаниях 1932 г. Среди 169 участников совещания 49 женщин являлись членами партии (хакасок — 8, шорок и ойроток — 13, татарок — 5, казашек — 5, мордочек и чувашек — 18), 26 человек были комсомольцами. Грамотных было 65 и малограмотных — 85. Самой юной делегатке исполнилось всего 16 лет, а самой старшей — 68. Совещание, работавшее под контролем Запсибкрайкома партии, было политизировано. Выступающие делились опытом классовой борьбы и призывали присутствующих к бдительности. Так, Чепаннова из колхоза «Пчеловод» призывала дать отпор кулакам и баям: «К нам в колхоз пролез кулак, мы его выгнали. Я призываю всех следить зорко, чтобы в колхозы не пробрались кулаки, подпевалы и вредители». М. Тотышева из колхоза «Наочел» с гордостью заявила, что они выгнали из колхоза четырех кулаков. Говорили они и о своем тяжелом труде и жизни в колхозах. Так, Камминдарова из Болотинского района Томского округа, татарка, заявила о существующей несправедливости по отношению к женскому труду следующее: «Женщины работают в поле до последних дней беременности». Антжанова из Ново-Омского района Омского округа, казашка, отметила слабую организацию труда в национальных колхозах. Также на совещании были подняты и вопросы о многоженстве, калыме и слабом «практическом руководстве со стороны вышестоящих органов» [8, с. 197–200]. В своем обращении к партийному руководству края делегатки первого слета тюркских женщин Западной Сибири заверили его в том, что по прибытии в аулы и деревни они продолжат классовую борьбу с кулаками и баями, вовлекут в колхозы своих одноаульцев и односельчан. В итоге политическая цель, поставленная Запсибкрайком ВКП(б), была достигнута. Например, женщины в мусульманской деревне Саурганек Омского округа поддержали беднячку Катралееву, выступившую на собрании с критикой в адрес местных мулл [9].

Окружкомы партии стали проводить среди женщин тюркских народов культурные мероприятия, через которые призывали их к борьбе с кулаками, баями и духовенством. Например, в Омске стали проводить совещания женщин с обязательным участием мусульманок, после которых состоялись концерты и лекции на внутриаполитические темы. Подобные совещания проходили в Славгородском и Том-

ском округах. В Новосибирском округе Куйбышевским райкомом партии для достижения своих политических целей был использован женский татарский ансамбль из артели имени Блюхера [10]. Для того, чтобы отлучить мусульманских женщин от религии, партийное руководство Западно-Сибирского края решило вовлечь их в антирелигиозное движение. В отчетах идеологических отделах окружкомов, направленных в Запсибкрайком ВКП(б), стало указываться число женщин-мусульманок, состоявших в «Союзе безбожников».

В 1933 г. правительство широко пропагандировало государственный денежный заем «второй пятилетки». Каждому колхозу в аулсоветах давался определенный план по покупке облигаций населением у государства, которое использовало все доступные рычаги, чтобы вернуть обратно в банк часть денег колхозников от их мизерной зарплаты. Райисполкомы использовали агитацию на приобретение облигаций через периодическую печать. Например, черлакская районная газета (Омский округ) писала, что в колхозе «Жана Турмыс» аулсовета № 3 в числе первых, подписавшихся на заем, были передовики Сагитова и Хусайнова [11].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов в округах Западной Сибири идеологические отделы райкомов ВКП(б) стали организовывать «красные юрты», целью которых было проведение идейно-политического воспитания среди казахского населения в аулах. Под особый контроль РК ВКП(б) попали женщины и дети. На эту работу были привлечены опытные лекторы, врачи, зоотехники, агрономы, юристы, советские, партийные и комсомольские работники. По их прибытии в аулы они оборудовали «красную юрту» в помещениях школ, сельсоветов, правлениях колхозов и даже под открытым небом. На стенах её развешивались плакаты идейного содержания, на которых в юмористической форме были изображены кулаки, бай, спекулянты, и священнослужители. Они тоже призывали к уничтожению калыма и многоженства, равноправию женщин и т.д. Кроме того, успех «красных юрт» зависел и от помощи аулсоветов, партячек и активистов аула Работа «красных юрт» делалась на части, одна из которых заключалась в оказании медицинской помощи (осмотр больных, прививки и т.д.), юридической (изучение законов и т.д.), ветеринарной (лечение скота и т.д.). Вторая часть — идеологическая работа, пропагандирующая марксистско-ленинского мировоззрение, классовую борьбу в аулах с баями, кулаками и муллами, антирелигиозные лекции. Третья — просветительная, заключающаяся в ликвидации неграмотности, пропаганде вреда брака несовершеннолетних, многоженства и т.д. Последняя часть состояла в организации кружков, например, таких как «Женсовет», «Свободная женщина Востока», «Семья и женщина», «Женщина и быт» и т.д. Вместе с марксистско-ленинскими догмами лекторы рассказывали о жизни женщин-мусульманок, проживающих на территории союзных республик. Например, они использовали материал статьи «Суд в борьбе за раскрепощение женщины», опубликованный в газете «Советская степь» (г. Алма-Ата). В нем говорилось, что муж, покушавшийся на жизнь жены, был приговорен к расстрелу. Всё это преподносилось лекторами как защита женщин Советской властью от посягательств их мужей, возникших в результате отрицательных пережитков прошлого [12, с. 186]. Распространение получило «домососедство с детьми», когда пять-шесть женщин в один из домов отводили своих детей, а сами шли учиться грамоте и слушать

лекции. Особенно широко применяли этот метод при обсуждении проекта Конституции СССР (1936 г.) и в период предвыборных кампаний в Советы [3, л. 141].

В период кампании ликвидации неграмотности (1928 – 1936 гг.) активно стали привлекать девушек. В районных центрах из них были сформированы группы, которые готовили по ускоренной программе ликвидаторов по неграмотности. По окончании курсов девушек принимали в комсомол, а наиболее активных — в партию. В 1934 – 1937 гг. партийные организации совместно с районо стали посылать девушек в отдаленные аулы и пастбища для «юртового обучения» на дому. Также перед ними ставилась задача наряду с учебной разъяснение политики ЦК ВКП(б) и решений Запсибкрайкома и райкомов партии. В 1937 г. был подведен итог на лучшего ликвидатора неграмотности. Им была признана комсомолка Дактуева Дянон (совхоз «Овцевод», Онгудайский район (аймак), Ойротия) [13]. В 1930-х годах первыми студентами медицинского техникума и медицинского института из татарок стали Рауфа Рахмангулова из деревни Яланкуль (Большереченский район) и Файза Багатдинова из районного центра Исилькуль [14]. Среди шорок одной из первых стала медицинским работником Л. Толтышева. Ею было написано письмо на имя И. Сталина, в котором она благодарила его за счастливую жизнь, а также возможность женщинам национальных меньшинств получать образование и специальность [15].

В газете «Советская Сибирь» была напечатана статья о женщинах-мусульманках, овладевших сельскохозяйственной техникой [16]. Выражение И. В. Сталина «женщина в колхозе — большая сила» было напечатано во всех газетах. Его использовали в докладах партийные и советские работники, а также в лозунгах. Например, в Черлакском районе (Омская область), в котором проживало более пяти тысяч казахов, на третьей районной партийной конференции (март 1930 г.) прозвучало: «Женщина — главное лицо» [17]. Однако наибольшую популярность оно получило в устном фольклоре. В пересказе это значило: приехал в аул корреспондент и видит, что в разгар рабочего дня идет собрание, на котором присутствуют только одни мужчины. На вопрос: «А где же женщины?» — председатель колхоза ответил, что они работают в поле. Этот ответ показывал действительную участь в колхозе женщин, на руках которых находилось 50 % хозяйств [17]. И когда решался вопрос «быть или не быть» казахским колхозам, именно женщины решили его положительно. В 1931 – 32 гг. в казахских колхозах среди женщин был проведен социологический опрос, целью которого было выявление желания работать в полеводческих бригадах или животноводстве. Например, в сельскохозяйственной коммуне имени Сталина (Шербакульский район Омской области) каждая женщина в недельный срок должна была подать письменное заявление, указав в нем по какой специальности желает работать [18]. Не подозревая подвоха, написав его, женщины становились заложницами коллективного труда. Они работали наравне с мужчинами без выходных и отпусков. Система втянула их в изнурительное стахановское движение. По итогам 1935 г. звание «стахановец» вместе с мужчинами получили колхозницы Сапьян Бактергенова, Шамсия Амренова (колхоз «Жана Жол»). Их ставили в пример другим. Райкомы партии выдвигали их кандидатуры в члены райкомов, райисполкомов и аулсоветов. Например, Жасембаева Калия была избрана членом Марьяновского райисполкома, а Амренова Шамсия — членом Наримановского аулсовета (Омская область) [2].

Для советизации женщин-мусульманок ЦК ВКП(б) и Запсибкрайкомом ВКП(б) была использована периодическая печать. В газете «Советская Сибирь» в праздничном выпуске, посвященном Международному женскому дню 8 Марта, значительная часть публикаций была отведена женщинам Ойротии, которые в прошлом были «забытыми и бесправными алтайками», а теперь вместе со всеми ойротами «вышли на широкую дорогу зажиточной жизни». Цель этих статей была в том, чтобы показать обществу счастливую жизнь тюркских женщин, которую они обрели благодаря своему ударному труду. В них рассказывалось о М. Быковой, ойротке по национальности, работающей председателем Алуйского сельсовета Усть-Канского аймака (района), в который входило 112 хозяйств, которая в течение трех лет провела «огромную работу по коллективизации (1931 – 1934 гг.) кочевников»; Е. Тандыбаровой, работающей пять лет заместителем председателя Калачинского сельсовета Онгудайского аймака, «образцово подготовившей» колхозы к посевной и уборочным работам; колхознице Кулурушевой, работающей в овцеводческой ферме, не допустившей ни одного случая падежа ягнят. Была также отмечена хорошая работа ударницы Ягановой из колхоза «Дружба» [16].

Кроме газет ЦК ВКП(б) имел в своем распоряжении подконтрольные журналы («Работница», «Крестьянка»), имеющие многотысячный тираж во всей стране, используя их для вовлечения женщин в классовую борьбу и коллективизацию. О значении журнала «Работница» для ЦК ВКП(б) говорит поздравление её редакции в честь 10-летнего юбилея (январь 1933 г.) И. Сталиным, который пожелал ей «успехов в деле воспитания пролетарских масс в духе борьбы за полное торжество социализма» [19]. Запсибкрайком ВКП(б) в свою очередь тоже имел свой контролируемый журнал («Красная сибирячка»), который использовался им для советизации женщин-мусульманок.

В период обсуждения проекта Конституции СССР (1936 г.) Запсибкрайком проявил повышенный интерес к мусульманским женщинам. В месячных и квартальных отчетах райкомов партии и райисполкомов появились графы, в которых указывалось число женщин в ауле (деревне), их возраст, количество партийных и комсомольцев, род их занятий, участие в общественной жизни, грамотность. Корреспондентам краевой, окружных и районных газет было дано указание увеличить материалы несущих информацию о женщинах, восхваляющих советский строй, партию и Сталина. Так, в газете «Омская правда» было напечатано интервью Рахимы Алгазиной из колхоза «Кзыл казах» (Марьяновский район), в котором она сказала: «Наконец, мы проснулись от спячки, разбудил нас великий Сталин. Мы идем на собрание, сбросив с лица позорное покрывало. Говорим мы не глупые речи, наши мысли записывают на бумагу... Мне хочется внести в Конституцию пункт о том, чтобы женщин выдвигали на ответственную работу» [2]. Таким образом, власти показывали обществу, что во всенародном обсуждении проекта главного закона страны участвуют все слои населения, доказывая равноправие женщин наряду с мужчинами. В период обсуждения проекта Конституции СССР райкомы партии при непосредственном участии комсомола и профсоюза развернули движение «лучших по профессии» женщин. На Алтае ими стали животновод-стахановка Д. Майнакова, ойротка, охотница-стахановка А. Шалубаева, шорка, доярка колхоза «14 лет Октября» М. Тапашева, ойротка, которая обязалась «от 320 маток выходить 450 ягнят» [20].

В 1935 г. в период партийной чистки наряду с мужчинами дополнительной проверке подверглись и женщины. Среди тюркоязычных женщин много было подвергнуто партийным наказаниям коммунисток татарской национальности, потому как у них была наибольшая партийная прослойка. При малейшем подозрении к их социальному происхождению партийцы делали запросы в разные районы страны и Сибири. Совместно с партийными органами ОГПУ особому вниманию уделяли выискиванию неблагонадежных членов партии в северных районах Омской области, так как предполагалось, что именно в них скрываются участники Ишимского (1921 г.) и Муромцевского (1930 г.) восстаний, а также воевавшие на стороне белых армий в годы Гражданской войны. Если их не удавалось найти, то гонению подвергались родственники. Так, были исключены из партии сестра «активного участника восстания (1921 г.)» Аминова Латыфа Аминовна (Усть-Ишимский район Омской области) и дочь «активного колчаковца, расстрелянного красными», Анварова Гемалья (Тобольский район Омской области) [21].

Залыха Жумабаева, жена известного казахского поэта Жумабаева Магжана, арестованного по доносу в 1927 г., обвиненного «в создании подпольной повстанческой диверсионной организации» и осужденного сроком на 10 лет, начала бороться за освобождение мужа, обращаясь в инстанции местного значения. Кроме того, 14 раз ей пришлось съездить в Москву. Обращалась она с просьбой и к писателю Максиму Горькому. И только через 9 лет М. Жумабаев был освобожден. Но в Омской области он не смог устроиться на работу, так как считался «врагом народа». Поэтому его семья вынуждена была уехать в Алма-Ату. Однако недолго длилось семейное счастье Залыхи. В 1938 г. мужа опять арестовали и в этом же году расстреляли [22, с. 55].

В 1929 г. раскулачили семью Зульхии Кусаиновой, которой только что исполнилось 11 лет. Из-за того, что её дед и отец высказывали недовольство в адрес Советской власти, она из зажиточных попала в разряд бедняков. Они были арестованы. Однако вскоре их освободили. Опасаясь нового ареста, они решили бежать из Казахстана в Омскую область. На новом месте жительства (Азовский район, аул Толек) семья в достатке прожила до 1932 г. Отец Зульхии Кошмухамет, спасая семью от голода, устроился на земляные работы, окончательно подорвавшие его и так слабое здоровье, в результате чего он умер. Опекун над семьей Кусаиновых взял на себя дядя Зульхии, Мурат Абельсеитов, работающий заместителем председателя колхоза «Урнек». Однако в 1938 г. он получил повестку из районного центра Азово. Почувствовав неладное, он переоделся в чистую одежду, обошел всю родню, прощаясь с нею. «Мы плакали, понимая, что его ждет... Но не могли и представить, что больше никогда его не увидим, — вспоминала З. Кусаинова, — ни весточки, ни письмеца так и не дождалась. Его жена Кульжамия даже слегла от горя» [23, с. 329–330]. Абельсеитов (Сейкенов) Мурат был приговорен тройкой УНКВД по Омской области по статье 58 пункта 10 к расстрелу, который состоялся 19 марта 1938 г. в Омске [23, с. 328–330].

Несчастье постигло Тогдину Е. А. из г. Абакана. Её мужа Тогдина И. В., хакаса по национальности, занимающего пост председателя комитета по делам искусств при Хакасском облисполкоме, арестовали (28 сентября 1937 г.). На основании 58-й статьи УК РСФСР военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания с конфис-

кацией всего имущества. Его расстреляли 13 июля 1938 г. в г. Красноярске. В результате чего местные власти выселили из квартиры его жену с двумя малолетними дочерьми и поселили в дом, в котором размещались семьи «врагов народа». Тогдина Е. устроилась на работу посудомойкой. Но вскоре была уволена. Для того, чтобы выжить, она стала продавать свои вещи на базаре. В 1941 г. ушла на фронт добровольцем. В 1944 её демобилизовали. Но в этом же году она умерла от тифа. Так закончился жизненный путь Тогдиной Е. А. [6, с. 60–61].

В 1937 г. в Таре были арестованы отец и сын Кулеевы. Отцу уже было за 70 лет, а сыну — 32 года. После их ареста жена старшего Кулеева, Фагыяла, скончалась от инсульта. А жена сына (Галяма) Васфиджамал Фаткулловна вместе с детьми была выселена из добротного дома. В него «поселили лодырей», которые даже не могли заготовить дров, а поэтому рублили стулья и сараи. Вскоре Васфиджамал арестовали по «делу» мужа. Много унижений ей пришлось испытать в тюрьме. Следовательно «заставлял отречься её от мужа». После короткого заключения она, собрав всю свою волю, продолжала работать с удвоенной силой. «Смогла купить дом, корову и поставить на ноги детей». Только вера в победу помогла ей выжить в течение 10 лет и дожидаться мужа из сталинских лагерей [24].

Нафия Садвокасовна Сеитова была из знатной семьи (дед её, Муса Шорманов, служил полковником в царской армии). Она получила хорошее образование. Её муж Сеитов Асылбек Жуманович родился 22 января 1894 г. в Омске. В 1916 г. окончил Томский университет и получил диплом врача. В 1917 г. принял участие в работе Всекиргизского (всеказахского) съезда в г. Оренбурге. В 1937 г. он занимал должность заведующего отделом Казнаркомздрава. Работал главврачом поликлиники № 5 города Алма-Аты. 1 декабря 1937 г. он был арестован за принадлежность к партии Алаш-Орда. А уже 8 декабря расстрелян. После ареста мужа угроза ареста нависла и над Нафией. В связи с этим она, беременная, вместе с четырнадцатилетней дочерью тайно уезжает в Омск. Однако известие об аресте мужа пришло раньше ее приезда в город. Некогда приветливые родственники из-за боязни приютить у себя семью врага народа отказывают ей в этом. Однако мир не без добрых людей. Помощь им оказала русская семья. Вскоре родилась вторая дочь Клара. Тяжелые условия жизни, нервные потрясения стали причиной тяжелой болезни Нафии Сеитовой, которая умерла в 1938 г. Ещё одним ударом по семье Сеитовых станет известие о том, кто донёс на их отца. В результате этого старшую дочь парализовало, вскоре и её не стало. Младшая дочь — Клара Асылбековна Сеитова, вспоминает: «Одиссея жизни детей врагов народа мало кого интересует, мы были изгоями в родном отечестве, но никто не мог вытравить из нашей жизни память о любимом отце, давшем нам жизнь» [25].

Нелегкая судьба выпала на долю Гульсум, жены писателя Кошмухамеда Кеменгерова. В 1930 г. был арестован муж, которого после двухлетнего заключения сослали в местечко Валулки под Воронежем. В 1935 г. семья переехала в Шербакуль. Гульсум постоянно чувствовала, что за её семьей следят добровольные помощники НКВД. Повсюду она встречала недоброжелательность со стороны партийных и советских работников, относившихся к ней как к жене опального писателя, несогласного с многими положениями советского строя в области «национальной идеологии». В 1937 г. К. Кеменгерова вновь арестовали. По приговору тройки НКВД по Омской

области на основании политической статьи 58 УК РСФСР он был расстрелян в Омске 21 ноября 1937 г. На его семью было навешено клеймо «семья врага народа». Но Гульсум, испытавшая все муки и тяготы режима, смогла их преодолеть и вырастить троих детей (Зайру, Нурманбета и Сауле) [22, с. 60].

Своей репрессивной политикой и обещаниями «скорого светлого будущего» ЦК ВКП(б) удалось вовлечь часть представителей тюркских народов на свои позиции. Другая же их часть продолжала борьбу за свои права. Аллах не обделил их своим милосердием, через молитвы помог им преодолеть все невзгоды и утраты, сохранить на долгие годы верность и память о репрессированных отцах, мужьях, братьях, сыновьях и других родственниках до конца своих дней.

Библиографический список

1. ЦДНАО. Ф. 940. Оп. 4. Д. 26. Л. 65.
2. Солнце новой жизни светит всем народам // Омская правда. — 1936. — 12 октября.
3. ЦДНАО. Ф. 7. Оп. 5. Д. 96. Л. 137.
4. ЦДНАО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 298. Л. 129.
5. Ойротка Алагызова // Советская Сибирь. — 1935. — 8 марта.
6. Тугужекова, В. Н. Репрессии в Хакасии / В. Н. Тугужекова, С. В. Карлов. — Абакан : Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 1998. — 112 с.
7. Село Топча в Ойротии целиком вошло в коммуну // Молодая деревня. — Новосибирск, 1929. — 20 июня.
8. Коллективизация сельского хозяйства в Западной Сибири (1927-1937 гг.). — Томск : Западно-Сибирское книжное издательство, Томское отделение, 1972. — 331 с.
9. ЦДНАО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 31. Л. 16.
10. Колхозницы из артели им. Блюхера // Советская Сибирь. — 1936. — 5 октября.

11. Колхозники колхоза «Жана Турмыс» подписались на заем // Большевик. — Черлак (Омская область), 1933. — 30 мая.
12. Преодолевая религиозное влияние ислама. (Из опыта Коммунистической партии Казахстана 1917 — начало 1930-х годов). — Алма-Ата, 1990. — 256 с.
13. Совхоз «Овцевод» // Советская Сибирь. — 1937. — 3 апреля.
14. Ниязова, З. Моя бабушка Рафа / З. Ниязова // Татарский мир. — Омск, 2005. — № 5 (июнь).
15. Письмо в редакцию // Советская Сибирь. — 1936. — 18 июля.
16. Женщина в колхозе — большая сила // Советская Сибирь. — 1934. — 8 марта.
17. ЦДНАО. Ф. 7. Оп. 6. Д. 82. Л. 3 об.
18. ЦДНАО. Ф. 8347. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
19. Письмо в редакцию. Работнице // Правда. — 1933. — 25 января.
20. Охотники-стахановцы // Советская Сибирь. — 1936. — 18 апреля.
21. ЦДНАО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1315. Л. 72, 119, 143.
22. Турсунов, И. А. Очерки истории казахов Омского Прииртышья : учеб. пособие. — Омск : ООИПКРО, 2000. — 68 с.
23. Бескемпирова, А. К. Боль и память / А. К. Бескемпирова. — Петропавловск, 2007. — 332 с.
24. Кулеева, Ф. Черный день календаря / Ф. Кулеева // Тарское Прииртышье. — Тара (Омская область), 1998. — 21 января.
25. Кабульдинов, З. Е. Семья Сеитовых / З. Е. Кабульдинов // Казахи Омского Прииртышья: история и современность ; отв. ред. Ш. К. Ахметова, Н. А. Томилов. — Омск : Издатель-Полиграфист, 2007. — С. 82—87.

ОЗЕРОВА Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии, политологии.

Адрес для переписки: e-mail: ozerov26@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2011 г.

© О. А. Озерова

Информация

Премия-2011 за лучшую кандидатскую диссертацию

Германский исторический институт в Москве учредил одну премию за лучшую кандидатскую диссертацию в области истории Германии и немецко-российских отношений XV — XX вв.

Победитель конкурса получит премию ГИИМ. Кроме того, ГИИМ оказывает поддержку в публикации диссертации.

На конкурс могут быть заявлены **неопубликованные кандидатские диссертации**, прошедшие защиту **после 1 июля 2010** и получившие высшую оценку госкомиссии.

Жюри конкурса состоит из ведущих немецких и российских ученых.

Соискатель премии должен представить в институт рекомендацию своего ученого руководителя. Наряду с ней обязан передать в конкурсную комиссию саму диссертацию, краткое изложение ее содержания (на двух печатных страницах) и автобиографию.

Все необходимые документы просим направлять **до 15 ноября 2011 г.** по адресу:

Германский исторический институт в Москве

Нахимовский проспект, 51/21

117418 Москва

Более подробная информация: Андрей Доронин, andrej.doronin(at)dhi-moskau.org

Информация о конкурсе на сайте Германского исторического института в Москве

<http://www.dhi-moskau.de/ru/stipendii-granty/premii/>

Источник : http://www.rsci.ru/grants/grant_news/258/229880.php (дата обращения : 17.06.11)

РОЛЬ И МЕСТО СИБИРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.)

Статья посвящена изучению роли женского труда в крестьянском хозяйстве Сибири во второй половине XIX — начале XX в. В пореформенный период крестьянки начали принимать участие в кустарных промыслах, возростала численность женщин, работавших по найму, росла их активность в отхожих промыслах. Все это оказывало влияние и на семейный уклад крестьян: патриархальные взгляды на статус и роль женщины в семье уходили в прошлое.

Ключевые слова: гендер, половозрастное разделение труда, крестьянские промыслы, отходничество, патриархальный семейный уклад.

Особенности крестьянского хозяйства в Сибири — разбросанность и удаленность пахотных земель и сенокосных угодий от места проживания, экстенсивный и натуральный характер производства, многоотраслевая его направленность (земледелие, животноводство, домашняя промышленность, промыслы) — заставляли крестьянина расширять или, во всяком случае, не допускать сокращения числа работоспособных членов своего двора. Дифференциация хозяйств по размеру и составу семьи во многом определяла их имущественное положение: именно многочисленные хозяйства являлись более зажиточными.

В семьях существовало половозрастное разделение труда. Мужчины пахали, молотили, возили сено, кололи дрова, занимались рыбной ловлей. С октября по март уходили в тайгу на охоту. Меха продавали скупщикам, деньги шли на уплату податей, хозяйственные расходы семьи. Уходили группами не менее трех человек. Большак и его сын-подросток в это время ухаживали за скотом, чинили сани, сельско-хозяйственный инвентарь. Весной мужчины возвращались из тайги и работали в поле.

У женщин обязанности также были распределены. Пищу готовили две-три «молодухи»-невестки или золовки, остальные в это время ухаживали за скотом. По прошествии определенного периода (недели, месяца или года — в зависимости от традиций в каждой семье) невестки менялись обязанностями по приготовлению пищи и уходу за скотом, очередь в распределении работы строго соблюдалась. Кроме того, одна из невесток в течение целого года шила мешки, другая варила мыло, третья изготавливала свечи, четвертая выдывала «серянки» (спички) и т.д. В страдное время дома оставались лишь невестка, золовка и старуха-мать — жена большака. «Домовницы» ухаживали за скотом, готовили пищу, присматривали за детьми. Остальные женщины помогали мужчинам в поле.

Корреспондент газеты «Сибирь», восхищаясь трудолюбием сибирской женщины, в 1887 г. писал: «В полевых и домашних работах она заткнет за пояс любого мужчину: она сама распахивает и заборонивает свой надел. Она сама жнет, косит, ни на шаг не отстает от мужчины. Она и зарод закладывает и на

зароде сама стоит и тут же рядом ребенка укачивает, всовывая последнему в рот хлебную соску, либо подставляет ему свою грудь» [1]. Немалую роль в обеспечении продуктами питания крестьянской семьи играло огородничество, которым занимались исключительно женщины. Надо иметь в виду, что все огородничество в Сибири было орошаемым, никаких приспособлений для которого не имелось, воду разносили по грядкам в ведрах. В середине XIX в. современник писал о женщинах пригорода Селенгинска: «Стоит только посмотреть на громадный труд, вкладываемый селенгинскими женщинами в свои огороды, на изнуряющую поливку больших гряд табаку, капусты и картофеля, на кропотливый уход за арбузами, чтобы решить тотчас же, что селенгинская женщина, на которой еще, кроме огородничества, лежит все бремя ведения хозяйства, ухода за скотом, по своему трудолюбию и полезной деятельности оставляет далеко за собой мужчину» [2, с. 243].

Напряженный труд и мужчин и женщин давал свои результаты. Путешествовавший по Западной Сибири в 90-х гг. XIX в. А. А. Исаев писал: «Я не везде находил признаки довольства... но за исключением бобыльских и солдатских дворов не было заметно и той нужды, которую так часто встречаешь в деревнях средней России» [3, с. 64].

Вплоть до середины XIX в. в Сибири отчетливо проявлялись формы докапиталистического натурального хозяйства и присущей ему домашней промышленности. Слабые связи с рынком приводили к тому, что большинство потребностей крестьяне удовлетворяли трудом своей семьи. В крестьянских семьях выдывались овчины для шуб, изготавливались ободья, полозья, колеса, телеги, плелись веревки из мочала и пеньки.

В пореформенный период натуральный характер крестьянского хозяйства начал разрушаться, происходил переход от производства продукции только для удовлетворения домашних потребностей к товарному производству. Во многих крестьянских промыслах Западной Сибири использовался женский и детский труд: в рогожном, в производстве сит, туесов, ковровом. Так, почти во всех семьях Тобольской

губернии женщины ткали ковры. Цена каждого из них колебалась от 2 до 10 рублей, в зависимости от величины, рисунка, добротности: «Рисунок и доброта настолько удовлетворительны, что они славятся по всей Сибири, а через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки распространяются и по Европейской России» — отмечали исследователи экономического быта крестьян и инородцев Западной Сибири в 1889 г. [4, с. 74].

Распространенным среди женского населения был скорняжный промысел. Выделанные меха, преимущественно беличьи и лисьи, сбывались на Ишимской ярмарке [5, с. 37].

Производством спичечной соломки и спичечных коробков занимались преимущественно женщины и дети, поскольку промысел считался маловыгодным. Был особенно распространен в Богородской (строганием соломки в 1880 г. занимались до 50 семей), Семилужской, Ишимской волостях Томского округа [6, с. 79].

В 1891 г. А. А. Исаев, путешествовавший по Западной Сибири, описал товары, которыми торговали крестьянки села Самаровского, расположенного в десяти верстах от устья Иртыша: «Все продукты... крайне однообразны; почти все они являются дарами природы в тесном смысле этого слова: рыбы разных пород, утки, молоко, грубый полубелый хлеб — вот и вся продажа, с которой самаровские женщины приближаются к пристани в ожидании парохода» [3, с. 70]. Исаев также отмечал, что ремесленные изделия можно было купить только на пристанях у сел, расположенных вблизи больших городов. Так, первое ремесленное изделие на пути после Тобольска ему удалось увидеть лишь в селе Колпашево близ Томска: «На пристани было несколько женщин с хлебом, молоком, яйцами, маслом; явилась даже одна старуха, продававшая пестрые шерстяные вязаные рукавицы» [3, с. 78].

О степени распространения ремесленного производства можно судить по обследованию кустарных промыслов в Томском уезде Томской губернии. Из 659 крестьянских хозяйств, занимавшихся промыслом, 81 хозяйство работало на заказ в пределах своей волости, 51 — на заказ в пределах уезда, 25 хозяйств — на заказ в город Томск [7, с. 194].

В Восточной Сибири вплоть до конца XIX в. главными занятиями населения были земледелие и связанное с ним скотоводство. Так, в Енисейской губернии кустарная промышленность была ориентирована на выделку продуктов первой необходимости в домашнем быту: обработка льна, конопли, шерсти, шкур, гонка смолы, дегтя, изготовление изделий из дерева (посуды, саней, колес, и т. п.). Как правило, такие промыслы были делом семейным, в изготовлении всех видов продукции принимали участие женщины и подростки [8, с. 124]. Женщины, кроме того, занимались винокурением.

В Иркутской губернии даже в начале XX в. сохранялся натуральный характер крестьянских хозяйств, промыслы не выделились из состава домашнего производства. Женщины здесь, как и везде в Сибири, ткали, изготавливали холсты, половики, пряжу. «Почти все крестьянки умеют ткать и пряхть, некоторые выделывают овчины» — свидетельствовал Н. Н. Козьмин [9, с. 51]. Но в селах, расположенных вблизи крупных городов, получило развитие торговое огородничество. Так, в селе Грановском Уриковской волости, расположенном в 25 верстах от Иркутска, крестьянки выращивали огурцы, капусту, картофель, лук, чеснок, морковь, свеклу, арбузы, дыни. Два раза в неделю они ездили на рынок в город для продажи овощей. Дело это было достаточно доходным [10, с. 29].

В 1893 г. в Иркутском, Балаганском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии в промыслах было занято 3 345 мужчин и 350 женщин (9,5 % от числа всех занятых). Подавляющее большинство промыслового населения было занято добычей рыбы — 79,5 % мужчин и 33 % женщин. На втором месте по числу занятых у мужчин был сбор орехов (10,3 %), у женщин — прядение и ткачество (27,1 %), на третьем — выделка кож у мужчин (5,7 %), выделка сукна и войлока — у женщин (19,4 %). Небольшую роль играли такие виды промысловых занятий как вязание сетей, выделка глиняной посуды, изготовление кирпичей [11, с. 310].

Согласно переписи населения 1897 г., в Сибири среди всего самодеятельного населения земледелием занимались 793 067 человек, из них 92,5 % мужчин и 7,5 % женщин, животноводством — 117 290, из них 88,4 % мужчин, 11,6 % женщин. Наиболее распространенными были добывающие промыслы. Рыболовством и охотой занимались 36 216 человек, мужчин 95,8 %, женщин 4,2 %, в лесных промыслах было занято 17 303 человека, из них мужчин 98,4 %, женщин — 1,6 % [12, с. 231 — 371].

Важным промыслом для населения был извоз. До строительства железной дороги большой сибирский тракт давал значительный заработок населению. В этом промысле были заняты и женщины. В 1864 г. ехавший на Амур С. Максимов на станции у Томска взял ямщика, но вскоре рассматрел, что это была женщина: «Что тебя, тетка, заставляет ездить: не бабье ведь это дело? — спрашивал я. — Кому же ездить-то, коли у меня хозяина в дому нету?... Так же молодева-то вскочила и соскочила она с облучка, также бойко и послушливо бежали у ней лошади, как бы и у любого ямщика [13, с. 128]. После строительства железнодорожного пути извозным промыслом в Сибири занимались 13387 человек, из них 98,9 % мужчин и 1,1 % женщин [12, с. 231 — 371]. Таким образом, большая часть мелких крестьянских промысловых заведений находилась в Западной Сибири. С продвижением от Урала на Восток просматривалось не только сокращение размеров крестьянского производства, но и превалирование добывающих промыслов, а в них примитивных экономических форм. Женщины принимали участие практически во всех видах крестьянских промыслов (т.к. они были делом общесемейным), составляли абсолютное большинство во всех отраслях текстильного промысла, зарабатывали на продаже продуктов огородничества.

В пореформенный период усилилось расслоение крестьянских хозяйств. Зажиточные, состоятельные крестьяне прибегали к найму батраков. Основную часть наемных рабочих в сельском хозяйстве составляли мужчины, но со временем расширялось использование наемного труда женщин. Важную роль в этом процессе играло возраставшее применение машин во второй половине XIX в. При работе жаток, сеялок, молотилок уже не нужно было большого напряжения физических сил.

Рынок наемной рабочей силы в сибирской деревне создавался за счет широкого притока переселенцев, в первое время лишенных возможности наладить свое хозяйство на новом месте, части местных разорившихся крестьян-старожилов, ссыльных. В конце XIX в. использовались различные формы найма: годовой, помесячный, срочный. Мужчин нанимали косить сено, убирать хлеб, заготавливать лес, женщин — вязать снопы, грести сено, доить коров, выполнять домашнюю работу.

Зачастую на сельскохозяйственные работы нанимались девушки для того, чтобы заработать себе на

приданое. О распространенности такого явления сообщает в путевых записках А. Павлов, путешествовавший по Западной Сибири в 1870-е гг.: «Выходя замуж, девушка не имеет приданого от родителей, а несет с собой только то, что сама заработала. С 15 лет она нанимается на сторону, в работницы, а по местному выражению в пострадки» [5, с. 65]. За хороший труд, кроме оплаты, хозяева могли наградить некоторым количеством мыла, шерсти, домашней утвари: «Из таких ресурсов работница-девушка, многолетним тяжелым трудом, экономит себе приданое и выходит замуж, имея далеко за двадцать лет» [5, с. 19].

Как правило, на длительные сроки нанимали только мужчин, а женщин — на летний период, на такие работы, как прополка полей и жатва. В 1889 г. в Ишимском округе Тобольской губернии было зафиксировано лишь 5–6 случаев найма женщин на весь год. В зимний период женщин не нанимали совсем. При найме на летний сезон женщине платили 7–9 рублей, а при найме на год — всего 8–12 рублей: «Вне страдного времени труд женщины ценится ни во что или почти ни во что» [6, с. 439].

Заработная плата мужчин и женщин зависела от региона, сезона и вида выполняемых работ. Разница в оплате мужского и женского труда сохранялась долгое время: за период с 1901 по 1905 гг. заработная плата женщин составляла от 56 до 82,5 % от заработка мужчин. Причем уровень оплаты женского труда был выше в Томской губернии (от 65 до 74,6 % от оплаты труда мужчин) и Амурской области (от 73,7 до 82,5 % от оплаты труда мужчин) по сравнению с Енисейской губернией (от 56 до 71,1 % от оплаты труда мужчин) [14, с. 125; 15, с. 206; 16, с. 346].

Это объясняется тем, что в губерниях Западной Сибири крестьянские хозяйства в большей степени прибегали к найму рабочей силы. Развитие капиталистических отношений в этом регионе началось раньше, востребованность женского труда была высокой. На Дальнем Востоке в силу диспропорции полового состава населения наблюдалась нехватка именно женских рабочих рук в хозяйстве крестьян.

Перепись 1897 г. показала, что женщины составляли 18,3 % всех наемных рабочих, занятых в сельском хозяйстве [12, с. 231–371].

Первая мировая война вызвала чрезвычайно высокую напряженность с трудовыми ресурсами в сибирской деревне в связи с мобилизацией на фронт мужчин. Увеличилась рабочая нагрузка на женщин. В 1917 г. в полевых работах и на сенокосе в Сибири участвовал 65 461 наемный работник, из них 49 317 мужчин (75,3 %) и 16 144 женщины (24,7 %) [17, с. 98].

Показателем изменения положения крестьянок в деревенском обществе со второй половины XIX в. может служить их активность в отхожих промыслах. В отходничестве участвовали преимущественно вдовы без детей или чьи дети стали взрослыми, а также одинокие незамужние женщины, потерявшие шансы выйти замуж. Как свидетельствовал современник, «самостоятельный труд для огромного большинства незамужних и вдовых женщин представляет собою единственное средство к существованию, а замужним он дает возможность улучшить благосостояние семьи» [18, с. 42].

Длительный отход в города оказывал серьезное воздействие на семейный уклад. Участие в отходничестве давало женщине экономическую независимость, расширяло ее кругозор, развивало самостоятельность, чувство собственного достоинства и нарушало сложившийся уклад деревенской жизни. Когда из дома уходил мужчина, его место занимала

женщина. На ее плечи ложились все заботы по хозяйству и дому, она представляла отсутствующего домохозяина на сходах, заключала сделки. С другой стороны, мужчина в городе усваивал новые идеи и новые отношения и был более склонен менять свои традиционные взгляды на семейный уклад и статус в нем женщины.

Хотя масштабы этого явления преувеличивать нельзя. В 1880–1913 гг. в России по отношению ко всему женскому населению доля отходниц колебалась от 0,3 до 8 %. Процент женщин к общему числу отходников варьировался, лидировали губернии промышленного центра и столичные. Хотя все еще в целом доля отходников даже и в начале XX в. исключая столичные губернии и промышленный центр была незначительной [19, с. 245]. Так, в 1887–1888 гг. в Иркутской губернии крестьянские общества выдали свидетельств на право отхода («виды на отлучки»): мужчинам — 23 139 (16,5 % всего мужского населения), женщинам — 2 756 (2,1 % всего женского населения), т.е. женщины получили 10,6 % всех отходных свидетельств [11, с. 310]. Причем, как и у мужчин, преимущественно это были свидетельства сроком на один год.

По подсчетам Л. М. Горюшкина, численность всех наемных работников в сельском хозяйстве Сибири накануне Первой мировой войны можно считать равной примерно 260 000 человек, из которых 220 000 (84,6 %) — преимущественно работники в сельском хозяйстве и около 40 000 (15,4 %) — человек (отходники в промышленность, на лесные заготовки, рыболовство, транспорт, строительство). Женщины составляли до 17 % всех отходников, т.е. примерно 6 800 человек [20, с. 236].

Таким образом, сфера применения женского крестьянского труда в регионе была очень широкой: ведение домашнего хозяйства, огородные и полевые работы, а также домашняя промышленность, интенсивность труда — чрезвычайно напряженной. Во второй половине XIX — начале XX в. женщины принимали участие в кустарных промыслах, прежде всего, таких как изготовление тканей, холстов, пряжи, скорняжном, товарном овощеводстве. Возрастала численность женщин, работающих по найму, их активность в отхожих промыслах. Все это оказывало влияние на семейный уклад крестьян: патриархальные взгляды на статус и роль женщины в семье уходили в прошлое.

Библиографический список

1. Сибирь. — 1887. — 15 февраля.
2. Кроть, М. Ново-Селенгинск / М. Кроть. // Сибирский сборник. — 1896. — Вып. 3. — С. 233–265.
3. Исаев, А. А. От Урала до Томска / А. А. Исаев // Вестник Европы. — 1891. — Кн. 9. — Т. 5. — С. 55–87.
4. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. — Вып. IV. — СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1889. — 188 с.
5. Павлов, А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби / А. Павлов. — Тюмень: Типография К. Высоцкого, 1878. — 164 с.
6. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. III. — СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1889. — 498 с.
7. Соловьева, Е. И. Из истории крестьянской промышленности пореформенной Сибири и задачи ее изучения / Е. И. Соловьева // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода: сб. ст. — Новосибирск: Наука, 1971. — С. 190–201.
8. Статистика Российской империи. Т. XXIX. Вып. 11. Енисейская губерния. — СПб.: Издание Центрального ста-

тистического комитета Министерства внутренних дел, 1895. — 256 с.

9. Козьмин, Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири / Н. Н. Козьмин. — СПб.: Типография «Печатный труд», 1910. — 160 с.

10. Памятная книжка Иркутской губернии на 1891. — Иркутск: Издание Иркутского Губернского Статистического комитета, 1891. — 113 с.

11. Материалы по исследованию землепользования и сельскохозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. В IV т. Т. IV. Вып. 5. Енисейская губерния. — Иркутск: Типография штаба Иркутского военного округа, 1893. — 424 с.

12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Распределение населения по видам главных занятий и возрастным группам по отдельным территориальным районам. Таблица XX. Т. IV. / Под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб.: Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. — 371 с.

13. Максимов, С. На Востоке. Поездка на Амур / С. Максимов. — СПб., 1864. — 588 с.

14. Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука, 1967. — 412 с.

15. Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 г. — Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1905. — 281 с.

16. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. — М., 1909. — 922 с.

17. Горюшкин, Л. М. Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции / Л. М. Горюшкин, В. И. Пронин // Историческая демография Сибири: сб. науч. трудов. — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 84 — 101.

18. Овцын, В. Развитие женского образования (исторический очерк) / В. Овцын. — СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1887. — 42 с.

19. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1 / Б. Н. Миронов. — СПб.: Дм. Буланин, 1999. — 548 с.

20. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука, 1976. — 342 с.

ДОЛИДОВИЧ Олеся Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук. Адрес для переписки: e-mail: dolidovich@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2010 г.

© О. М. Долидович

УДК 930.

Н. А. КОНОВАЛОВА
О. В. МЕТЕЛЬ

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

ИСТОРИЯ ИДЕЙ ПРОТИВ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ: ДВЕ МОДЕЛИ ПОСТРОЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлены два подхода к построению историографического исследования, представленные в современной отечественной науке. Авторы выделяют в качестве первой модели историографию как историю идей, в качестве второй — как историю научных сообществ. Объединить две модели можно лишь на путях коммуникаций различного уровня.

Ключевые слова: отечественная историография, история науки, история понятий, историческая память, научная коммуникация, виды научной коммуникации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

Состояние современной отечественной историографии характеризуется очень мощной методологической рефлексией, возникшей как ответ на «вызовы времени»: необходимость осмысления советского прошлого и интеграции в мировой историографический процесс. Причем, мы можем говорить о включенности в данный процесс как представителей старшего поколения исследователей, так и более молодых авторов [1 — 4]. Не имея, во-первых, заранее заданных методологических ориентиров, а во-вторых, не считая

возможным руководствоваться простой логикой «историзма и объективизма», новое поколение историографов, к которому авторы относят и себя, стремится к более четкому определению конфигураций современного историографического пространства, благодаря чему становится возможной собственная идентификация исследователя.

По нашему мнению, в современной отечественной науке можно говорить о двух основных моделях историографического исследования: историографии как

истории идей и историографии как истории научных сообществ. Данная мысль может быть отнесена к числу идей, « витающих в воздухе », и, в той или иной форме, уже высказанных исследователями [5–6], однако так и не получивших окончательного оформления.

Серьезно упрощая, можно сказать, что модель построения историографического исследования будет зависеть от того, что будет воспринято ученым в качестве базовой категории: *историк-исследователь* или продукт его научного творчества — *научная концепция*. В первом случае в центре внимания оказывается процесс становление той или иной идеи у отдельного автора; во втором — общее движение мысли, для иллюстрации которой автор *выбирает* определенный набор фигур. Попробуем дать краткую характеристику обозначенных моделей.

«Историография как история идей»

Данная модель является хронологически первой и подразделяется на два основных варианта: (1) историография как история концепций (теорий) и (2) историография как история понятий и текстов (нарративов).

1. Изначально в качестве объекта историографии выступала лишь *научная концепция*, и, следовательно, историография мыслилась как *история исторической науки*. Столь узкий подход к предмету приводил к тому, что историограф видел своей задачей отобрать работы, посвященные одной проблеме, и расположить их на некоем подобии «оси времени», в которой за «ноль» взята самая первая концепция по интересующей историографа проблематике, а за x — вся полнота реальности прошлого, величина которой на данный момент не известна, но к которой приближаются все расположившиеся в хронологическом порядке концепции. Лестница может служить другой метафорой для описания подобного понимания истории исторического знания, восхождение по которой могло обеспечить обнаружение новых источников и включение их в имеющееся историческое знание.

В XIX в. историография как история исторической науки выполняла сугубо утилитарную задачу — предотвращение повторного «изобретения велосипеда». Эта функция вытекала из веры классической научной рациональности в возможность обретения истинного, неизменного исторического знания, в возможность *реконструкции* реальности прошлого (обозначенного нами как x). В несколько измененном виде — с преобладанием критической функции историографии — данный подход существовал в советской науке [7–8]. И над дореволюционными, и над советскими историками довлел «стереотип дихотомии» [9], который в первом случае выражался в противопоставлении науки ненаучным формам знания (религии, легендам, мифам и т.п.) и поиске «позитивного» знания; во втором случае — в противопоставлении «марксистского» и «буржуазного» знания.

2. Изменение взгляда на объект историографического исследования в рамках изучаемой нами модели было связано с кризисом позитивизма, поставившим в начале XX в. под сомнение сам факт научности гуманитарного знания, а значит, и право последнего на существование. Если отечественная (советская) наука оказалась фактически отгороженной от поисков преодоления данного кризиса, то западные авторы вынуждены были искать ответы на «неудоб-

ные» вопросы. В качестве таких ответов мы предлагаем рассматривать проекты Р. Козеллека (история понятий) и Й. Рюзена (историческая память).

Р. Козеллек обращается к историческим понятиям, которые, по сути, выступают как историографические понятия, потому что являются продуктом конструируемой реальности. Когда-то, объясняет Козеллек, понятия и были частью реальности, но Французская революция свершила переворот не только во Франции, но и в историографии: в понятие стал преобладать «горизонт ожидания», а не «область опыта». Такие понятия могут порождать новую историческую реальность — вплоть до коммунизма и фашизма. В нашем случае «горизонт ожидания» — это и есть историографическая составляющая понятия, представляющая собой точку зрения на событие субъекта, в качестве которого может выступать и историк, и философ, и общественный деятель, и даже простой обыватель, использующий это понятие в языке повседневного общения [10]. История, таким образом, превращается в историографию в её более широком понимании как истории исторического знания. По сути, Козеллек подменил целое его частью: историческую концепцию его составляющей — научным термином, заложив начало нового подхода к *историографии как истории понятий*. Стоит заметить, что и сам Козеллек понимал, что «история понятий является, строго говоря, историографическим трудом (! — Н. К., О. М.), потому что связана с историей образования, употребления и изменения понятий», в которой «различное словоупотребление связано с различными приемами мышления», ведь понятие «не движется, его двигают» [11].

Йорн Рюзен, также обращаясь к анализу глобальных явлений современной ему истории, — холокосту и фашизму, пришёл к выводу, что цель истории — вписать подобные критические события в имеющееся историческое повествование, формирующее историческую память не одного поколения людей. «Исторические повествования упорядочивают изменения во времени этих ситуаций (случайностей — Н. К., О. М.) таким образом, что случайность кризиса постепенно растворяется в образующем смысле и значимом концепте изменения человеческого мира во времени» [12]. И поэтому фактически приходит к выводу Й. Рюзен, историография — это *история исторической памяти* и задача историка — вписать новые события, которые по своему содержанию и итогам являются травмирующими историческое сознание, в уже имеющиеся концепции прошлого так, чтобы сделать их «нормальными». Нормализация осуществляется за счет историзации события с помощью таких историографических методов, как анонимизация, категоризация, нормализация, морализация, эстетизация, телеологизация, специализация и метаисторическая рефлексия.

На наш взгляд, концепция Й. Рюзена укладывается в постмодернистский поворот в историографии, отмеченный повышенным вниманием к языку. Постмодернизм ворвался в историю под лозунгом «смерти автора», заявив, что не историк пишет текст, а что текст развивается по своим законам, диктуя правила автору [13]. Причем один текст включается в систему отношений с другими текстами, создавая систему интертекстуальности. Рюзен не «убивает» автора, напротив, он приписывает ему функцию врачевания исторической памяти, но при этом поддерживает идею *конструирования* прошлого — знания «здесь и сейчас», без противопоставления в нем трех временных векторов: «прошлое-настоящее-будущее».

Более радикальные постмодернистские авторы отказывают историографии в самостоятельности. Одни относят её к жанру литературы, тем самым понижая её научный статус до простого повествования, выполненного согласно заранее избранным стратегиям организации материала (Х. Уайт), другие — повышают её статус с вспомогательной некогда дисциплины до той науки, которую она когда-то «обслуживала» — до истории (Ф. Р. Анкерсмит).

«Историография как история научных сообществ»

Антисциентизм, набирающий обороты в начале XX в., заставил гуманитарные науки пересмотреть свои дисциплинарные объекты. Одни исследователи, как мы рассмотрели это выше, обратились к языку и тексту, другие — к человеку.

Модель историографии как истории научных сообществ получает распространение в отечественной исторической науке в 1990-е гг. и восходит к Т. Куну, совершившему своего рода «антропологический поворот» в науковедении [14 — 15]. Он показал, что наука — это то, чем занимаются ученые. Исследователи договариваются между собой о том, что будет считаться истинным и рациональным. В результате конкретный продукт научного творчества — концепция — отступает на второй план, фактически полностью утрачивая свою самостоятельность.

Так же как и историография, представленная историей идей, историография как история научных сообществ не ограничивается лишь одним подходом: её объект, несмотря на то что он не теряет своей антропологической сущности, вариативен. В рамках данной модели историограф может изучать либо отдельного ученого (1), либо целые исследовательские коллективы, делая акцент на том, как происходит становление отдельных научных концепций *через призму системы человеческих взаимоотношений* (2).

1. Несмотря на то, что биографистика уходит своими корнями в далекую древность (вспомнить хотя бы «Жизнеописания» Плутарха), личность историка долгое время оставалась в тени, выступая лишь орудием открытия фактов. Как мы уже указывали, интерес к личности исследователя появился лишь на волне кризиса позитивизма и закрепился благодаря фрейдизму, вновь ярко заявив о себе в микроистории и, в дальнейшем, благодаря повороту историографии в сторону антропологии. В результате формируется *историография как история историка или биоисториографистика*, где главной идеей оказывается стремление «прочитать» авторское повествование сквозь призму отдельной личности.

2. Другой подход в рамках второй из представленных моделей — *историография как коммуникация* (А. П. Огурцов). Рассматривая историю отдельных исследовательских коллективов, в первую очередь научных школ, историограф, представляя событийную канву, неизбежно сталкивается с необходимостью анализа взаимоотношений, существующих в данном коллективе. В этом случае наука рассматривается сквозь призму «коммуникативных актов» и «стратегий», позволяющих коллективу реализовывать поставленные научные задачи. Или, словами А. П. Огурцова, «...ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть отторгнуты от той ситуации общения, в которой осуществляется научное исследование. Каждый элемент познавательного акта и его содержания пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия» [16]. Однако

подобная модель неизбежно ведет к междисциплинарности, требуя привлечения методов социологии. Отметим, что на личном уровне коммуникации были исследованы, в первую очередь, П. Бурдьё и Р. Мертоном, на институциональном — Д. Прайс, на властном — М. Фуко [17 — 20].

Обе рассмотренные нами модели обладают своими достоинствами и недостатками. Так, историография как история идей грешит генерализациями и абстракциями, наделяя концепции самостоятельным существованием: они обитают в отдельном мире, где происходят их столкновения, борьба, взаимодействие. Вместе с тем указанная модель позволяет обнаружить сходные идеи у весьма далеких, территориально и хронологически, авторов и проследить общее течение мысли. Вторая модель, в свою очередь, тяготеет к фактографизму и предлагает объяснения, многие из которых весьма проблематично поддаются процедуре верификации. Однако она позволяет рассмотреть некоторые «внутренние пружины» историографического процесса, показать «личностную» составляющую идейных столкновений. Значит ли сказанное, что наиболее перспективным должен быть «средний путь», позволяющий соединить лучшие стороны каждой модели?

Неким подобием «золотой середины» может выступить синтез обеих моделей, осуществляемый с помощью научных коммуникаций разного уровня. Помимо коммуникаций, выделяемых в антропологической модели: «историк — историк», коммуникации между школами историков разного типа организаций; коммуникации «историк — власть», можно говорить о коммуникации «историк — читатель», «историк — эпоха/нарратив/дискурс», имманентно существующих в модели историографии как истории идей. Теоретически, проследив эту сложную сеть коммуникаций, историограф сможет сделать большой шаг в достижении столь желаемого идеала. Пока же, оценивая современную историографическую практику, напрашивается параллель с «основным вопросом философии», разрешить который нельзя на путях простого соединения материализма и идеализма.

Библиографический список

1. Корзун, В. П. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышление над учебным пособием Л. П. Репиной, В. В. Зверевой, М. Ю. Парамоновой «История исторического знания») [Текст]. Т. 2 / В. П. Корзун, В. Г. Рыженко // Мир Клио : сб. статей в честь Л. П. Репиной. — М. : ИВИ РАН, 2006. — С. 266 — 278.
2. Репина, Л. П. Контексты интеллектуальной истории [Текст] / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. — Вып. 25/1. — С. 5 — 11.
3. Алеврас, Н. Н. Предмет историографии: версии современной науки [Текст] / Н. Н. Алеврас // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI — XX вв. — Екатеринбург, 2010. — № 7. Сер. Интеллектуальная история. — Вып. 4. — С. 173 — 190.
4. Юдин, А. В. «Историографические эпохи» в истории изучения античности [Текст] / А. В. Юдин // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. — М. : КРАСАНД, 2009. — № 28. — С. 240 — 262.
5. Крих, С. Б. М. И. Ростовцев и М. Финли: два типа ученого [Текст] / С. Б. Крих // Мир историка : историографический сборник ; под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. — Омск : ОмГУ, 2006. — Вып. 2. — С. 6.
6. Свешников, А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX в. Попытка антропологического анализа научного

- сообщества [Текст] / А. В. Свешников. — Омск : ОмГУ, 2010. — С. 31.
7. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография [Текст] / Н. Л. Рубинштейн. — М. : Госполитиздат, 1941. — 659 с.
8. Очерки истории исторической науки в СССР [Текст]. В 5 т. / Под ред. М. Н. Тихомирова. — М. : АН СССР, 1955.
- Т. 1. — М., 1955. — 692 с.
- Т. 2. — М., 1960. — 862 с.
- Т. 3. — М., 1963. — 831 с.
9. Печенкин, А. А. Философия науки и история науки: проблемы взаимодействия [Текст] / А. А. Печенкин // Наукоеведение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А. Г. Аллахвердяна. — М. : Логос, 2005. — С. 68.
10. Михалёв, А. Б. Семантические прототипы [Текст] / А. Б. Михалёв // Язык и действительность : сборник научных трудов памяти В. Г. Гака. — М. : ЛЕНАНД, 2007. — С. 383—388.
11. Бёдекер, Х. Э. Размышления о методе истории понятий [Текст] / Х. Э. Бёдекер // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. статей ; под ред. Х. Э. Бёдекера. — М. : НЛО, 2010. — С. 34, 48.
12. Рюзен, Й. Кризис, травма и идентичность [Текст] / Й. Рюзен // «Цепь времен» проблемы исторического сознания ; отв. ред. Л. П. Репина. — М. : ИВИ РАН, 2005. — С. 39.
13. Копосов, Н. Е. Как думают историки [Текст]. — М. : Новое литературное обозрение, 2001. — С. 284.
14. Whithley, R. Cognitive and social institutionalization of research specialties and research areas [Текст] / R. Whithley // Social processes of scientific development — London: Routledge & Kegan Paul, 1974. — P. 69—95.
15. Gutting, G. Paradigms and revolution: appraisals and applications of Thomas Kuhn's philosophy of science [Текст]. — Notre Dame: Univ. of Notre Dame Press, 1980. — 347 p.
16. Огурцов, А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) [Текст] / А. П. Огурцов // Философские исследования. — 1993. — № 3. — С. 12—59.
17. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура [Текст] / Р. К. Мертон. — М. : АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 880 с.
18. Бурдье, П. Клиническая социология поля науки [Текст] / П. Бурдье // Социоанализ Пьера Бурдье. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. — М. : Институт экспериментальной социологии, 2001. — С. 19—35.
19. Прайс, Д. Дж. де С. Сотрудничество в «невидимом колледже» [Текст] / Д. Дж. де С. Прайс, Д. Дж. Бивер // Коммуникация в современной науке. — М. : Прогресс, 1976. — С. 335—351.
20. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. — М. : Ad Marginem, 1999. — 479 с.

КОНОВАЛОВА Наталья Александровна, соискатель кафедры современной отечественной истории и историографии, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской работы. Адрес для переписки: e-mail: KonovalovaN@yandex.ru

МЕТЕЛЬ Ольга Вадимовна, аспирантка кафедры всеобщей истории, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской работы. Адрес для переписки: e-mail: olgametel@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2011 г.

© Н. А. Коновалова, О. В. Метель

УДК 947.0:341.7 / .8(510-8)
«1905—1911».

А. К. ЖАБИЦКИЙ

Дальневосточный государственный
гуманитарный университет,
г. Хабаровск

РАЗВЕДКА РОССИИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В ПЕРИОД С 1905 ПО 1911 г.

В данной статье автором сделана попытка изучения деятельности российской разведки в Маньчжурии в период с 1905 по 1911 г. Вопросы преобразования российской разведслужбы были тесно связаны с реформами Генерального штаба, проводимыми в конце XIX — начале XX в. и существенно улучшившими его организацию. Значительную роль в политике России в Северо-Восточном Китае занимала деятельность разведки штабов Заамурского округа ОКПС и Приамурского военного округа. Несмотря на все трудности ведения разведки в Маньчжурии, офицеры-разведчики, резиденты и агенты с честью выполняли возложенные на них обязанности.

Ключевые слова: разведка, Россия, Китай, агент, информация, шпионаж.

Разведка и контрразведка, взаимодействуя со всеми сферами современной жизни, является неотъемлемой частью политики любого государства. Известно, что с помощью разведки многие страны имели возможность прогнозировать характер своих международных отношений. Ведение разведки иностранными государствами в Северо-Восточном Китае было одним из главных способов для достижения политического и экономического господства на

территории Китая. В последние годы на страницах российских научных журналов появилось значительное число публикаций, поднимающих проблему противоборства японской и российской разведок в начале XX в. Очевидно, что изучение этой проблемы имеет сегодня актуальное звучание.

Первые попытки выяснения роли царской разведки в Маньчжурии относятся к досоветскому периоду. Работы Э. А. Верцинского, П. И. Измествьева,

Таблица 1

Установленные денежные выплаты агентурному аппарату

Категория осведомителя	Ежемесячное вознаграждение за ведение разведки	
	В пределах округа российской территории	На территории, оккупированной японцами
Резидент	40 руб.	75 руб.
Агент	30 руб.	40 руб.
Помощник резидента	35 руб.	35 руб.

*Составлено по [18].

В. Н. Клембовского, Р. Рудеваля, характеризовавшие деятельность российской разведки во время русско-японской войны 1904 – 1905 гг., показали деятельность войсковой разведки, действовавшей на полях сражений в Маньчжурии, не раскрывая сущности агентурной и дипломатической разведки Российской империи.

В советский период специальных работ о разведке России в Маньчжурии после русско-японской войны 1904 – 1905 гг. не издавалось, за исключением выпущенной для служебного пользования монографии К. К. Звонарева, автор которой частично раскрыл структуру агентурной разведки, действовавшей в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. Подобные вопросы нашли отражение в работах А. Хамадан и А. Вотинова, а также зарубежного автора Р. Роуана.

Заметный конструктивный интерес к проблеме наблюдался в последние годы у таких авторов, как Е. Ю. Сергеев, И. М. Афонасенко, И. Н. Кравцев, М. Алексеев, М. Ронге, И. В. Добычина, А. Ю. Шелухин. Но на сегодняшний день вопрос о деятельности российской разведки в Северо-Восточном Китае в досоветский период изучен неравномерно и в целом недостаточно.

В предложенной статье сделана попытка изучения деятельности российской разведки в Маньчжурии с 1905 по 1911 гг. на основании архивных сведений, а также научных изданий современного периода.

Преобразование российской разведывательной службы были тесно связаны с реформой Главного штаба, которая была осуществлена в конце XIX – начале XX в. и существенно улучшила его организацию [1]. В 1903 г. в структуре оперативного отдела российского Генерального штаба, произошло деление разведки на внешнюю и внутреннюю (разведку и контрразведку) [2]. Так, в Маньчжурии ведением разведки с 1905 г. занимались дипломатические консульства, разведывательные отделы штаба Заамурского округа, отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) и Приамурского военного округа, пограничные комиссары и военные агенты. Поражение России в русско-японской войне 1904 – 1905 гг. и претензии Японии на главенствующую роль изменили расстановку политических сил на международной арене [3].

26 августа (5 сентября) 1905 г. при подписании Портсмутского мирного договора, Россия передала Японии Южную часть Маньчжурии с веткой Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), уступила южную половину острова Сахалин и др. [4]. Это привело к потере Россией лидирующих позиций на территории Северо-Восточного Китая.

Следует заметить, что еще в июне 1905 г. командующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, генерал от инфантерии Н. П. Линевич подготовил циркуляр всем российским разведывательным органам, находившимся на Дальнем Востоке, о том, что целесооб-

разным и эффективным способом добывания сведений являлась тайная разведка [5, л. 28].

После окончания русско-японской войны провинция Мукден перешла под японскую юрисдикцию. В агентурном отношении г. Мукден был поделен на районы, в которых предполагалось иметь от двух до трех резидентов из числа китайцев, сотрудничавших с русскими во время русско-японской войны. Каждый агент должен быть опытным, добросовестным и преданным российским разведорганам. За работой резидента наблюдали пять – шесть агентов-китайцев, которые проверяли их деятельность. Тем самым Генеральный штаб контролировал благонадежность и эффективность работы резидентов и подчиненных ему тайных агентов [6, л. 378].

Для сбора оперативных сведений о японцах, российские разведчики регулярно отправляли на территорию Маньчжурии агентов-китайцев. Они отбирались из числа агентуры, хорошо знавшей местность южной части Северо-Восточного Китая. Разведываемые районы были поделены на подрайоны, в каждом из которых находился один резидент. Для передачи доставки информации резидент имел право выбирать себе помощника. В дальних регионах ему разрешалось иметь двоих – троих помощников, на которых возлагалась задача производить наблюдение за всем происходившим на территории потенциального противника. Российские разведчики также осуществляли опрос всех прибывающих из Южной Маньчжурии купцов, мелких торговцев и ремесленников [6, л. 378 об].

Агентам и резидентам за сотрудничество с российской разведкой выплачивалось ежемесячное денежное пособие. Так, в 1905 г. Генеральным штабом для резидентов и агентов, действующих в Маньчжурии, были установлены специальные выплаты (табл. 1). За предоставление сведений, имеющих особую важную информацию, было определено вознаграждение в размере 1500 руб. вне зависимости от категории осведомителя.

Не прекращая разведывательную деятельность в Китае, японские оперативные сотрудники вербовали агентов из числа грамотных китайцев для выполнения особо важных заданий. По информации разведки штаба Заамурского округа пограничной стражи в 1907 г. японской стороной была подготовлена разведывательно-диверсионная группа из девяти агентов китайцев для производства диверсий на КВЖД. Группу возглавлял один из чиновников канцелярии маньчжурской империи Ван-Дзи-Лу. Диверсантов подготовили в японском разведывательном бюро в г. Мукдене. Им ежемесячно выплачивали по 2 тыс. руб. Они должны были взорвать железнодорожный мост через р. Инкоу, у станции Фуляэрд. Но благодаря деятельности российского агента по национальности китайца, находившегося в группе, диверсионный акт был раскрыт [7, л. 104].

Вместе с тем активную разведывательность в Северо-Восточном Китае проводили и российские дипломатические представительства. Так, старший советник российского консульства в г. Мекдене А. И. Грушевский регулярно доносил оперативную информацию в Департамент иностранных дел России о политических интересах китайского правительства в Маньчжурии. Благодаря его секретной телеграмме за № 145 от 1908 г., стало известно о тайном съезде маньчжурских губернаторов, на котором решался вопрос о проведении реформ, направленных на усиление китайской армии в трех маньчжурских провинциях. Так же, российскому руководству стало известно о намерениях китайской администрации не уступать японцам порт Цзяндао, а также поддерживать тайные связи с корейцами, разрешить японцам построить железную дорогу Гиринь — Куаньченцзы, приступить к скорейшему сооружению железной дороги Цицикар — Айгунь, взимать с северных таможен пошлину со всех товаров, отправленных из-за пределов КВЖД китайцами и иностранцами, освободить от пошлины товары, вывозимые иностранцами из полосы отчуждения. Наряду с этим была получена информация о намерениях китайцев, купить часть линии КВЖД Харбин-Куаньченцзы. Вместе с тем А. И. Грушевский сообщил, что китайская сторона намерена добиться возможности иметь дипломатических представителей в Токио и Петербурге [8, л. 8].

Российское генеральное консульство регулярно предоставляло информацию в Департамент иностранных дел в отношении количественного состава японских войск в Маньчжурии, а именно в гг. Порт-Артур, Талейвань, Хуанчен, Ляоян, Мукден, Телин и Гунчжулин [8, л. 11].

Российская разведка занималась добыванием сведений о поступлении в китайскую армию новейших образцов оружия и увеличения личного состава китайских вооруженных сил. Так, в 1907 г. разведка штаба Приамурского военного округа сообщала в Генеральный штаб, что из провинции Чжили в г. Мукден был поставлено 18 скорострельных 75 мм орудий нового образца, а также шесть горных орудий и 12 орудий стреляющих гранатами (минометы). Благодаря разведке штаба округа, российскому военному командованию стало известно о том, что китайский штаб вооруженных сил (Инь-у-чу) выработал правила о переформировании войск (Сюн-фан-дуй). Китайцы планировали сформировать 23 ина (дивизии), из них 15 инов пехоты и 17 инов кавалерии. Командовать этими подразделениями должны были пять начальников и пять помощников начальников, а также 32 батальонных командира. На должность начальников дивизий назначались лучшие офицеры китайской армии [8, л. 15].

Кроме того, разведка Приамурского военного округа добывала информацию о производимых китайцами преобразованиях в войсковой разведке. В 1908 г. его агентами была добыта информация о наставлении к разведывательной службе, принятом в китайских войсках. В нем особое внимание обращалось на тактические свойства кавалерии, ее состав и вооружение, способы производства разведок, порядок отправки донесений, действия конных разъездов и т.п. [9, л. 11].

В 1907 г. пекинским правительством был поднят вопрос о реорганизации речных войск в Маньчжурии, что стало известно российскому правительству благодаря полученным разведанным. Оперативный отдел штаба округа регулярно сообщал информацию о том, что китайцы проводили техническое оснаще-

ние разведывательных судов. Так, в 1909 г. на реках Амур, Сунгари и Уссури китайцы выпустили по два бронированных судна с двигателями английского производства и скоростью хода 11 узлов. Суда были оснащены двумя 37 мм орудиями системы «Максим» с комплектом 1 тыс. снарядов на борту, а также двумя пулеметами аналогичной системы с боекомплектом 2 тыс. патронов на каждый пулемет [10, л. 13].

Надо отметить, что китайцы усиленно проводили мероприятия, направленные на соблюдение мер по охране государственной тайны. Они запрещали иностранцам фотографировать и переписывать сведения о китайских вооруженных силах, а также вели наблюдение за всеми прибывшими из-за границы гражданами [10, л. 11].

Помимо производства агентурной разведки, разведывательное отделение штаба Приамурского военного округа занималось перехватом секретных донесений. Так, в 1911 г. в одном из донесений губернатор провинции Мукден сообщал пекинскому правительству о том, что имеет «большое отвращение к русским властям в Маньчжурии» и что не может смириться с тем, что Россия вмешивалась в «монгольскую проблему». Он предлагал китайскому руководству решить этот вопрос с Россией при помощи объявления ей войны. При этом губернатор полагал, что Россия начнет опасаться Китая из-за его растущей военной мощи, что положительно скажется на китайской политике, когда «Поднебесная будет готова диктовать свои условия» России. Вместе с тем он предлагал использовать революционные движения внутри России и при их помощи подорвать ее военный потенциал на Дальнем Востоке, и тем самым выиграть возможную войну [10, л. 23 — 26].

Особую роль в добывании разведывательной информации в Маньчжурии занимала разведка Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) под руководством генерал-лейтенанта Н. М. Чичагова. В отличие от других разведок, она осуществляла разведку не только при помощи негласных агентов, но и войсковым способом, то есть путем высылки конных групп в охраняемые районы [11].

Пограничная разведка сообщала, что японцы имели намерение ассимилировать и подчинить себе большую часть китайского населения в Южной Маньчжурии. Японцы открывали школы, где обучали китайцев японской культуре и японскому языку, женили китайцев на японках, чтобы впоследствии они научили китайцев японскому языку и воспитали детей в лучших традициях Микадо. В случае развода в таких семьях на долю отца доставались обычно мальчики [12, л. 126].

Вместе с тем пограничники успешно проводили работу по ликвидации хунхузских бандитских группировок. В 1905 г. под руководством штаба Заамурского округа пограничной стражи для офицеров разведчиков было разработано наставление по противодействию ложной информации, предоставляемой китайцами в отношении хунхузов [13, л. 3]. Тем самым попытки бандитов дезинформировать пограничников были обречены на провал [14, л. 4].

После русско-японской войны пограничники значительно расширили свою агентурную сеть на территории Северной и Южной Маньчжурии. Помимо Маньчжурии Заамурский округ пограничной стражи занимался сбором сведений о Японии, Корее и Монголии. Разведывательные сводки, печатаемые пограничной разведкой, получали широкое распространение за пределами полосы отчуждения КВЖД. Следует отметить тот факт, что Заамурским округом

пограничной стражи была создана уникальная библиотека, имевшая чрезвычайно важную информацию о Дальнем Востоке [15].

В июне 1907 г. при командующем войсками Амурской области было открыто разведывательное бюро, организованное с целью добывания информации о провинциях Северо-Восточного Китая. Его работа заключалась в подборке и систематизации поступавших оперативных сведений, составлении сводок, подготовке докладных записок командующему войсками округа, а также в осуществлении контроля за деятельностью офицеров-разведчиков [16, л. 29]. Подготовленные сводки направлялись командующему войсками Амурской области, пограничному комиссару, представителю войскового хозяйства, в воинские части Благовещенского гарнизона, а также командующему Амурской речной флотилией. Оперативная информация доводилась также до начальников пограничных постов. Вместе с тем в разведывательном бюро на секретные топографические карты провинций Маньчжурии регулярно наносилась оперативная обстановка [16, л. 29 об.].

Источниками информации для бюро являлись: разведсообщения пограничного комиссара и канцелярии военного губернатора, донесения военного хозяйственного управления, информация от начальников участковых и станичных атаманов, разведсведения от начальников пограничных постов, а также сведения получаемые в ходе опроса торговцев, скотоводов и др. лиц, прибывших из Маньчжурии. Бюро получало оперативную информацию из телеграфных сообщений и прессы. Особой популярностью пользовались такие газеты, как «Новое время» и «Новый край», подробно освещавшие политические и военные события, происходившие в Северо-Восточном Китае [16, л. 30].

Главная задача по разведке приграничной территории возлагалась на казачьи поселения, расположенные близи российско-китайской границы. Ответственными за сбор ежемесячных разведывательных данных назначались станичные и хуторские атаманы, а также старосты сел [16, л. 26]. Атаман Амурского казачьего войска генерал-майор А.В. Сычевский ежемесячно докладывал Пограничному комиссару Амурской области подполковнику А. М. Кузьмину о результатах произведенных разведок. Получение данных осуществлялось путем сбора оперативных сведений по границе начальниками постов два раза в месяц (1-го и 15-го числа) методом предоставления секретных донесений пограничному комиссару, который направлял их в разведывательное отделение штаба Приамурского военного округа [16, л. 1 – 2].

В штабе Приамурского военного округа полученные донесения подвергали систематизации и группировали по информационным блокам. Проанализированные разведывательные материалы служили достоверными фактами для установления действительной картины событий, происходившей в Маньчжурии [16, л. 29].

Необходимо отметить, что в первые годы после окончания русско-японской войны японцы проводили усиленную разведку в бассейне Амура. Основных резидентов на русско-китайской границе японское командование сосредоточило в районе г. Благовещенска. В п. Сахалынь, г. Айгунь и п. Синдин были расположены японские разведывательные пункты. Вместе с тем японцы получали сведения о российском приграничье благодаря содержанию публичных домов, аптек, рулеточных, торговцев и т.д. За свою работу японские агенты получали денежное воз-

награждение в размере 20 – 30 американских долл. [17, л. 76].

Собранные в Амурской области сведения представлялись центральным японским агентам, находившимся в г. Благовещенске. Кроме того, информация могла направляться по почте или через пересыльных. Передача сведений осуществлялась через агентов из числа китайцев, чтобы не вызывать подозрения у русских. Для сбора информации японцы, также регулярно высылали разведывательные группы в количестве трех человек на российский берег рек Амура и Аргуни [17, л. 77].

Тем не менее, благодаря разветвленной сети разведывательных органов в Маньчжурии, российская разведка достаточно эффективно справлялась с поставленными задачами. Разнообразие сведений, поступающих из множества источников, позволяли получать наиболее достоверную информацию о сопредельной территории. Это позволяло военному руководству страны не принимать ошибочных решений в плане обороны на Дальнем Востоке. Невзирая на все трудности ведения разведки в Маньчжурии, офицеры-разведчики, дипломаты, резиденты и агенты с достоинством и честью выполняли возложенные на них обязанности.

Новизна научного исследования в данной статье заключается в попытке автора выявить особенности формирования и функционирования российской Разведывательной службы в Маньчжурии после окончания русско-японской войны 1904 – 1905 гг., на основе анализа конкретного исторического материала и архивных документов. Автором введены в оборот ранее не использованные архивные материалы. Среди них следует отметить фонды Главного управления Генерального штаба, Управления военного комиссара провинции Мукден, а также фонд Управления военного комиссара Гириной провинции.

Материал статьи может быть использован при написании трудов по истории российской разведки, а также в практической деятельности государственных учреждений и организаций, так или иначе связанных в своей работе с проблемами национальной государственной безопасности.

Библиографический список

1. Шелухин, А. Ю. Разведывательные органы в структуре высшего военного управления Российской империи в начале XX в. (1906 – 1914 гг.) / А. Ю. Шелухин // Вестник МГУ. Сер. 8. История. – 1996. – № 3. – С. 17 – 31.
2. Алексеев, М. Лексика русской разведки : исторический обзор / М. Алексеев. – М. : Международные отношения, 1996. – 128 с. – ISBN 5-7133-0888-X.
3. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер о российско-китайских отношениях / Н. И. Дубинина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Ч. 5. – Благовещенск, 2003. – С. 127 – 131.
4. Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов. По истории международных отношений на Дальнем Востоке / Э. Д. Гримм. – М., 1927. – 221 с.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14383. Оп. 4. Д. 1. Л. 28.
6. РГВИА. Ф. 14378, Оп. 1, Д. 123, Л. 378, 378 об.
7. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8089. Л. 104.
8. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7805. Л. 8, 11, 15.
9. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7806. Л. 11.
10. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7806. Л. 13.
11. Вишняков, О. В. Разведывательная деятельность охраняемых структур КВЖД / О. В. Вишняков // Защита и охрана Государственной границы Российской Федерации: Состояние и перс-

пективы развития : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Ч. 3. — Хабаровск, 2008. — С. 21—31.

12. РГВИА. Ф. 14383. Оп. 3. Д. 6. Л. 126.

13. РГВИА. Ф. 14383. Оп. 4. Д. 1. Л. 3.

14. РГВИА. Ф. 14383. Оп. 4. Д. 1. Л. 4.

15. КВЖД. Исторический обзор (1896—1923 гг.) / Под ред. агента правления общества Е. Х. Нилуса. — Харбин : Типография КВЖД «Товарищество ОЗО», 1923. — 690 с.

16. Российский государственный архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 951. Оп. 2. Д. 15. Л. 1—2, 29, 29 об.

17. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 8089. Л. 76, 77.

18. РГВИА. Ф. 14378. Оп. 1. Д. 123. Л. 379.

ЖАБИЦКИЙ Андрей Константинович, соискатель кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: e-mail: Irzhab@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2010 г.

© А. К. Жабицкий

УДК 94(450).095

Р. В. ОНИЦЕНКО

Кубанский государственный университет,
г. Краснодар

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ИТАЛИИ В ОБЛАСТИ СОЗДАНИЯ ЗОНЫ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ ЗАПАДНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (2001—2006 ГОДЫ)

Современная система евро-средиземноморской безопасности формируется по принципу дифференцирования политических подходов ведущих международных акторов для западного и восточного субрегионов. Это объясняется разным уровнем их внутренней интегрированности, что определяет, в свою очередь, комплекс мер, необходимых для создания единой зоны стабильности. Военно-политическая составляющая присутствует в равной степени в структуре политики обеспечения безопасности как для Восточного, так и для Западного Средиземноморья. При этом на тактическом уровне она имеет разную содержательную нагрузку. В свою очередь, реализация данных инициатив требует единой геостратегической платформы, роль которой НАТО и ЕС в 2001—2006 гг. отвели Италии.

Ключевые слова: военно-политическая стратегия, евро-средиземноморская безопасность, энергетическая безопасность.

Обеспечение безопасности в Западном Средиземноморье в период 2001—2006 гг. осуществлялось при непосредственном участии основных региональных организаций, содержащих военный компонент, — НАТО и ЕС. В начале XXI в. интеграция вооруженных сил в рамках Европейского Союза не была в достаточной мере эффективной, в связи с этим основная ответственность за обеспечение стабильности как в субрегионе, так и по всему Средиземноморью возлагалась на военное звено организации стран Североатлантического договора.

Италия, в силу своего геополитического положения, а также в связи с неучастием Франции в военной организации НАТО, получила возможность координировать военные действия стран организации Североатлантического договора на южном направлении. Официальный Рим существенное значение придавал расширению евро-атлантического партнёрства. Однако следует подчеркнуть, что и второе, и третье правительство С. Берлускони строило свою политику в рамках НАТО с евроцентристских позиций. По мне-

нию руководства страны, в рамках глобальной трансформации НАТО приобретает новые функции, сосредоточенные на борьбе с терроризмом и обеспечении глобальной безопасности [1]. В целом отношение к НАТО итальянской политической элиты складывалось в тесной взаимосвязи с развитием итало-американских контактов. Взаимодействие Рима и Вашингтона строилось на принципах конструктивного политического и экономического сотрудничества, как в двустороннем порядке, так и в региональных масштабах. В рамках базовых стратегических установок в Италии большое значение придавалось институциональному взаимодействию НАТО и ЕС. Как отметил в своём докладе министр иностранных дел Италии Дж. Фини, в начале XXI в. Италия взяла на себя одну из ведущих функций по реализации программ обеспечения стабильности в Средиземноморье на принципах институционального сотрудничества НАТО и ЕС, что в итоге было закреплено в документах стамбульской инициативы сотрудничества (Стамбульский саммит НАТО, июнь 2004 г.) и инициативы стратегичес-

кого партнёрства (ИСП) ЕС со странами Средиземноморья и Ближнего Востока (одобрена Евросоветом в июне 2004 г.) [1]. Таким образом, Италия фактически стала медиатором политики НАТО в Средиземноморье. Об этом свидетельствует тот факт, что на территории Италии был размещён штаб командования вооружённых сил Североатлантического альянса на юге Европы (г. Неаполь), а также командование военно-морских сил в Средиземноморском регионе (г. Виченца). Вместе с тем в Риме базируется учебный центр вооружённых сил НАТО, а на юге страны располагаются базы военно-воздушных сил, принимающие самолёты стран союзников во время ведения военных действий в регионе или проведения оперативно-тактических учений. Зачастую итальянские военные специалисты получают руководящие посты в ходе подготовки и проведения операций или учений в Средиземном море. Характерным примером является самая крупная оперативная инициатива НАТО в Средиземноморье «Активное усилие».

Инициатива «Активное усилие» была запущена в 2001 г. после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Её главной целью было обеспечение безопасности в бассейне Средиземного моря. Основанием для этой операции является статья 5 Устава организации Североатлантического договора. Руководство операцией осуществляет Штаб командования компонента военно-морских сил (ВМС) при командовании объединённых вооружённых сил НАТО в Неаполе, где служат преимущественно итальянские военные специалисты, а командование операцией поручено, по согласованию с министерством обороны Италии, вице-адмиралу итальянских ВМС Роберто Чезаретти [2].

При этом все расходы по подготовке и проведению операции производились за счёт бюджета Североатлантического альянса. Часть боевой техники предоставлялась для реализации оперативной инициативы в ведение Штаба командования компонента военно-морских сил, в том числе США были переданы самолёты дальнего радиолокационного обнаружения и контроля.

Для Италии, в целях создания комплексной системы средиземноморской безопасности, было важно, чтобы интенсивные торговые пути Средиземного моря (в особенности западной его части) оставались открытыми и надёжными. В этой связи основными направлениями реализации инициативы, по мнению итальянского руководства, должны были стать: контроль за безопасностью трубопроводов для транспорта энергоносителей, связывающих страны южного и северного берега, сопровождение торговых судов, совместное патрулирование акватории западной части Средиземного моря на предмет выявления судов, используемых в экстремистских целях, борьба с организованной преступностью и нелегальной иммиграцией [3].

Географически операция начала разворачиваться в западном субрегионе, поскольку именно страны Северной Африки ведут наиболее интенсивную торговлю с государствами европейского берега. Однако в марте 2004 г. действие операции «Активное усилие» было распространено на весь район Средиземного моря, что вполне соответствовало стратегической задаче Италии по организации единой системы средиземноморской безопасности за счёт сращивания её субрегиональных подсистем.

Ещё одной задачей, которую официальный Рим ставил перед собой в ходе реализации своих стратегических установок, являлось укрепление экономиче-

ского и политического сотрудничества стран ЕС с неевропейскими соседями в Средиземноморском регионе, что соответствовало стратегической цели по созданию южной альтернативы расширению зоны партнёрства Евросоюза в восточном направлении.

Основой для развития усилий в данном направлении, в рамках политики НАТО в регионе, стала инициатива «Средиземноморский диалог», которая была запущена в 1995 г. В начале XXI в. отработанный механизм инициативы использовался уже не для создания положительного имиджа Североатлантического альянса в странах-партнёрах по Диалогу и базы для развития сотрудничества. Механизмы «Средиземноморского диалога» были необходимы для привлечения стран-партнёров к непосредственному участию в реализуемых НАТО в регионе операциях и инициативах.

Так, например, на Стамбульской встрече в верхах в июне 2004 г. Североатлантический альянс принял решение повысить эффективность инициативы «Активное усилие» за счёт привлечения государств-партнёров НАТО «Средиземноморский диалог» [4]. Такое предложение выдвинули представители итальянской стороны, поскольку на практике в рамках двусторонних договорённостей такие модели сотрудничества отработывались с неевропейскими государствами региона. Привлечение государств-партнёров, по мнению итальянских военных экспертов, позволит повысить эффективность операции по нескольким аспектам. Во-первых, такое взаимодействие даст возможность проводить рейды, патрулирование и осуществлять преследование в территориальных водах всех стран-участниц «Средиземноморского диалога». Во-вторых, в ходе операции страны-партнёры по Диалогу смогут в реальных условиях перенять опыт специалистов НАТО и на практике отработать все тактические элементы проведения операций подобного характера, которые рассматривались ими в ходе проведения совместных семинаров. В-третьих, такое взаимодействие позволит упростить механизм сбора и обработки информации и разведанных.

Не менее важным компонентом развития средиземноморских инициатив НАТО для западного субрегиона является образовательный комплекс по повышению квалификации специалистов и оперативно-тактические учения. В регионе ответственность за их проведение возлагается на Италию [5]. Обучающие семинары и курсы проводятся на базе учебного центра в Риме. В связи с небольшой численностью военнослужащих в итальянских вооружённых силах возможность выполнять информационно-аналитическое сопровождение и командование операциями является основной целью как политического, так и военного представительства Италии в НАТО. Как уже отмечалось прежде, в силу недостаточного финансирования развития военной промышленности и содержания личного состава, руководство страны стремится закрепить за Италией координирующие полномочия, которые позволят в ходе реализации общих инициатив решать также и свои тактические задачи, оставаясь при этом на стратегическом уровне планирования и управления.

В отличие от Североатлантического альянса, Европейский Союз не предпринимает в Средиземноморье военных операций и оперативно-тактических учений. Деятельность ЕС концентрируется на полицейском патрулировании прибрежной зоны, а также зоны узких проливов, крупных проходов и гаваней. Инициатором совместного патрулирования выступило итальянское руководство ещё в середине 1990-х гг.

В 2002 г. в Палермо между Италией, Францией, Испанией, с одной стороны, и государствами Арабского Магрибского союза, кроме Ливии (до 2003 г. на Ливию были наложены санкции Совета безопасности Организации Объединённых Наций), — с другой, были достигнуты новые договорённости в рамках программы евро-средиземноморского сотрудничества, которые позволяли сократить объём формальных процедур в ходе проведения операций. В соответствии с достигнутыми договорённостями не требовалось дополнительно запрашивать разрешения на осуществление проверок судов в территориальных водах государств-партнёров. Кроме того, закреплялась возможность участия этих государств в операции на этапе, когда подразделения морской полиции осуществляют рейд в их территориальных водах. Такие условия соответствовали принципам политического диалога в регионе, предполагавшего транспортность во взаимодействии между партнёрами.

Основная задача, которую Италия ожидала решить в ходе совместного патрулирования, заключалась в контроле за нелегальной миграцией, осуществляемой морским путём. Борьба с организованной преступностью и международным терроризмом, на приоритете которых настаивала Франция, например, не представляла существенный интерес в рамках евро-средиземноморских инициатив для Италии. Это объяснялось тем, что официальный Рим в вопросах «антитеррора» и борьбы с преступностью делал ставку в большей степени на механизмы евро-атлантического сотрудничества, где Италия приняла на себя функции координатора инициатив, либо на двустороннее взаимодействие с неевропейскими государствами, с которыми Рим вел двусторонний диалог с позиций ведущего европейского партнёра. При этом необходимо учитывать, что Франция не имеет официального статуса в военной организации НАТО.

Такая позиция правительства С. Берлускони основывалась на стремлении монополизировать функции политического, военного и экономического центра в регионе. Вопросы регулирования миграции, которые не входили в компетенцию Североатлантического альянса, включались в проблематику евро-средиземноморского сотрудничества, поскольку непосредственно касались внутреннего законодательства и внутренней политики безопасности стран-членов Европейского Союза.

Проблема борьбы с нелегальной миграцией в рамках евро-средиземноморского партнёрства имеет две составляющие: силовую и нормативно-правовую. Силовая составляющая ориентирована на полицейские меры ЕС, как уже отмечалось выше, их реализация возлагалась на Средиземноморские страны Европейского Союза, в связи с тем, что они являются первым пунктом прибытия мигрантов из государств Северной Африки (Статус таких мигрантов может быть как прямой, так и транзитный «Прямой статус» — мигранты являются выходцами из государств, имеющих пограничное положение со страной пребывания по суше или по водному пространству).

После прибытия нелегальных мигрантов в страну пребывания начинают включаться нормативно-правовые механизмы регулирования. Среди южноевропейских стран одна из наиболее эффективных систем миграционного законодательства принадлежит Италии. Это связано с двумя аспектами. После вступления в Шенгенскую зону государств в 1994 г., Италия, по мере развития миграционной ситуации в регионе, модифицирует внутреннюю правовую базу. Наиболее серьезные, системообразующие изменения были

внесены в миграционное законодательство Италии в 2002 г. в рамках принятия кабинетом С. Берлускони закона № 189 от 30 июля 2002 г. «О совершенствовании правового регулирования вопросов миграции и получения убежища», который уточнял миграционный закон 1998 г. по части принципов репатриации нелегальных иммигрантов и модели взаимодействия со странами, являющимися их источниками в правовой плоскости. Кроме того, Италия обладает наиболее эффективной системой двусторонних договоров с государствами южного берега Средиземного моря, созданной ещё в конце 1990-х гг. Кабинет С. Берлускони не заключал новых договорённостей в этой сфере, а занимался адаптацией имеющихся положений к меняющимся условиям среды в рамках взаимных консультаций и деятельности совместных рабочих групп. В связи с этим Италия продолжала практику стимулирования развития в приморских зонах государств Северной Африки пунктов приёма нелегальных мигрантов. Такие же пункты были открыты и на итальянском побережье. Реализация этих мероприятий была санкционирована как договорённостями между Италией и партнерами на южном побережье, так и положениями внутреннего миграционного законодательства страны. В реальности такая система выполнения процесса репатриации и совместного патрулирования способствовала повышению эффективности регулирования нелегальной миграции и, соответственно, обеспечения безопасности в Западном Средиземноморье. При этом Италия сохранила за собой координирующие позиции за счёт тесного сотрудничества с европейскими и неевропейскими партнёрами, как в рамках совместных инициатив, так и в рамках двусторонних контактов.

Третье правительство С. Берлускони, которое функционировало в период 2005 — 2006 гг., не изменило политических приоритетов в сфере обеспечения безопасности в Западном Средиземноморье и действовало на основании ранее достигнутых договорённостей, сочетая при этом военно-политические инструменты НАТО и ЕС. Однако активных действий в западном направлении также не предпринималось, поскольку политические акценты были перенесены итальянским руководством на Ближний Восток, где в период 2003 — 2005 гг. активизировались латентные конфликты. Основной формой внешнеполитической активности официального Рима в западном субрегионе стало мягкое «продавливание» собственных интересов, эффективность которого повышалась с учетом итальянской поддержки инициатив НАТО на Востоке. Стратегические задачи, которые решались вторым правительством С. Берлускони, сохранили свою актуальность и на следующем этапе. Политика второго и третьего правительства была ориентирована на сохранение центральной роли страны как проводника международных инициатив в области безопасности для Средиземноморья. Снижение тактической вовлеченности международных институтов в процессы обеспечения безопасности в 2003 — 2005 годах для Италии компенсировалось организованной ранее системой мер и принципов.

Библиографический список

1. Fini, G. Il ruolo della Nato nella nuova Europa / G. Fini // *la Repubblica*. — 21.02.2006. — P. 22.
2. Борьба с терроризмом в море // Брифинг НАТО. — Июль 2006. — С. 21 — 24.

3. Frattini, F. NATO needs a long-term political strategy / F. Frattini // Herald Tribune. — 01.03.2004. — P. 11.

4. Istanbul Summit Communiqué [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nato.int> (дата обращения: 16.05.2007).

5. Fini, G. Italy's Role in Mediterranean Security and the Fight Against Terrorism [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.esteri.it> (дата обращения: 21.03.2006).

ОНИЩЕНКО Роман Валерьевич, аспирант кафедры «Новая, новейшая история и международные отношения».

Адрес для переписки: e-mail: romanoxxi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.09.2010 г.

© Р. В. Онищенко

УДК 947.084.5

А. Н. ШАГЛАНОВ

Омский государственный педагогический университет

БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ В ОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1922—1925 гг.

Борьба с бандитизмом в Омской губернии в 1922—1925 годах была трудной и опасной деятельностью для государственной власти. Формы и методы борьбы против бандитизма являлись эффективными и менялись в зависимости от ситуации. В итоге борьбы с бандитизмом государственная власть и советский народ ликвидировали дальнейшее распространение этого опасного явления преступного мира.

Ключевые слова: бандитизм, Гражданская война 1918—1922, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Чрезвычайная комиссия (ЧК), Государственное политическое управление (ГПУ), части особого назначения (ЧОН).

Криминогенная ситуация по бандитизму в Омской губернии в период с 1922 по 1925 гг. зависела от многих факторов.

Ключевыми событиями, повлиявшими на процесс борьбы с уголовной преступностью, стали: принятие первого советского Уголовного кодекса 1922 г., окончание Гражданской войны и ужесточение наказания за преступления, представлявшие особую опасность для государства в начале 1920-х годов. Одним из таких преступлений являлся бандитизм. Как правило, преступники, осуществлявшие вооруженные разбои, грабежи и убийства, объединялись в банды и шайки.

Жертвами бандитских нападений становились граждане самых разных возрастов, профессий, должностного и имущественного положения. 71 % потерпевших составляли крестьяне, около 13 % работники органов государственной власти, 9 % — сельские корреспонденты, 7 % — коммунистические активисты [1].

Численность бандитов варьировалась от одного человека до нескольких десятков. Исследователь А. А. Штырбул указывает, что в 1920—1924 гг. количество банд во всей Сибири исчислялось многими десятками и носило пульсирующий характер: они возникали, исчезали (будучи разгромленными, или рассредоточившись и временно перейдя на положение мирных жителей) и вновь возникали. А также объединялись из нескольких в один крупный бандитский отряд и снова распадались на части [2]. В Омской губернии преступления совершались либо бандитами-одиночками, либо бандами в составе нескольких человек. Количество преступлений, совершенных бандитами-одиночками, составляет 19 %, бандами в составе 2—3 человек — 34 %, от 4 до 8 человек — 31 %, от 10 до 27 человек — 16 % [3].

Налеты бандитов носили внезапный характер, после чего преступники скрывались либо в лесу, либо среди мирного населения. Так, бандиты Л. и П.

в сельской местности напали на двух крестьян — отца и сына. Выстрелом из ружья убили отца и тяжело ранили сына, затем скрылись. Причем отец раненого сына являлся секретарем волостного исполнительного комитета [4].

Следует отметить, что в Омской губернии бандитизм был тесно связан с конокрадством. Так, в сопроводительном письме от 1 марта 1924 г. за № 645 от помощника прокурора Тюкалинского уезда Омской губернии народному следователю второго участка Омского уезда дается указание в первую очередь закончить дело в отношении шайки конокрадов под руководством Тюрина и дело по обвинению граждан Каркачева и Усольцева в конокрадстве [5].

Бандитизм подлежал ответственности по ст. 76 и ч. 2 ст. 184 УК РСФСР и рассматривался губернскими судами как преступление особо тяжкое и направленное против порядка управления [6].

Распространенной мерой в борьбе с бандитами в Омской и других губерниях был так называемый «двухнедельник», в течение которого все вышедшие из леса бандиты получали полную амнистию. После чего с возвратившимися домой бандитами расправлялись местные бойцы с бандитизмом из числа сельских жителей, мстя за убитых бандитами членов своих семей [7].

В качестве профилактической меры к бандитам, содержащимся в местах лишения свободы, не применялось условно-досрочное освобождение в рамках ежегодной амнистии по случаю празднования Октябрьской революции 1917 года. Единственным снижением была замена расстрела за бандитизм тюремным заключением на срок от 3 до 10 лет и только для бедных крестьян. Правоохранительные органы считали необходимым не допускать рецидива бандитизма [8].

Социальный состав бандитов за период с 1922—1925 гг. состоял из двух категорий. Для первой домини-

рующим элементом являлись крестьяне, из которых 51 % бандитов составляли бедняки и середняки, а 26 % — представители кулачества. Исследователь Г. Иванов отмечает, что преобладающее большинство сельских бандитов принадлежит к молодому поколению деревни [9]. Вторую категорию численностью 23 % представляли бандиты-рецидивисты, уже имевшие на момент совершения преступления судимость за грабеж или разбой и бежавшие из мест заключения. Например, гражданин Румянцев, сидевший в доме заключенных за участие в банде и совершение ряда грабежей и краж, совершил побег из места заключения совместно с другим заключенным Савенковым, также арестованным за участие в банде в 1922 — 1923 гг. и совершение ряда открытых грабежей [10].

На междуведомственном совещании по борьбе с преступностью при прокуратуре Омской губернии от 27 декабря 1924 года под председательством губернского прокурора Калмыкова в докладе начальника губернского розыска товарища Спьян отмечалось, что в борьбе с бандитизмом происходят положительные сдвиги. А именно: по сравнению с 1923 г. процент раскрываемости бандитизма, разбоев и грабежей повысился с 35 % до 50 % в среднем [11].

Согласно архивным данным, общее количество вооруженных нападений в период с 1922 — 1925 гг. составляло 29 преступлений. Из них нападений квалифицированных как вооруженный грабеж 24 %, как вооруженный разбой 27 % и как бандитизм 49 %. Обстановка в этот период по бандитизму была умеренной [12].

В то же время на президиуме Омского губернского исполкома 10 января 1925 г. в докладе Омского губернского прокурора был утвержден перечень мероприятий по борьбе с преступностью, выдвинутых в свою очередь на междуведомственном совещании по борьбе с преступностью. В связи с чем было констатировано увеличение преступности по губернии в области бандитизма. В целях проведения намеченных директив в жизнь предлагалось следственному аппарату 1) дела о бандитизме заканчивать следствием в первую очередь. 2) судебной коллегии уголовного отдела усилить в отношении обвиняемых в бандитизме и грабежах меру социальной защиты, рассматривая и оканчивая таковые дела в первую очередь [13].

В начале 1925 г. наметились дальнейшие шаги по совершенствованию нормативно-правовой базы, регламентирующей перечень мер по мониторингу бандитизма. Так, на совещании лиц прокурорского надзора 18 января 1925 г. под председательством губернского прокурора Калмыкова в целях более полного и всестороннего выявления деятельности прокуратуры и усовершенствования отчетности по противодействию уголовной преступности было принято постановление, согласно которому бандитизм находился под особым контролем и наблюдением. В отчетах, отправляемых в прокуратуру с мест, должны были указываться признаки наличия или отсутствия бандитизма в той или иной местности, формы его проявления, общий процент бандитизма в отношении всей преступности данной местности, конкретные меры борьбы с бандитизмом [11, л. 22].

Боженко Л. И. утверждает, что к осени 1925 г. бандитизм был ликвидирован по всей Сибири [14]. Это верно отчасти, поскольку обстановка по бандитизму начнет ухудшаться в Омской губернии, ставшей к тому времени частью Сибирского края, еще до начала зимы 1925 года. Это особо отчетливо видно по циркуляру прокурора республики Трасковича,

отправленному на имя прокурора Сибирского края 13 ноября 1925 г. за № 17п10. В данном документе отмечается неудовлетворительная работа некоторых губернских прокуроров, которые не представляют сведений о развитии бандитизма в регионах. Циркуляр указывал, что бандитизму следует уделять пристальное внимание как особо опасному и важному в бытовом отношении преступлению. Кроме того, подчеркивалась его тесная связь с конокрадством [15]. Причем численность банд конокрадов насчитывала временами до нескольких десятков человек [16].

Таким образом, власть на местах нуждалась в создании эффективных средств борьбы с бандитизмом. Поэтому в Сибири вся тяжесть противодействия бандитизму легла на так называемые части особого назначения (ЧОН), просуществовавшие до 1924 — 1925 годов. В связи с этим при губернских комитетах создавали отделы — штабы отрядов особого назначения. По всей Западной Сибири, разбитой на районы обороны, располагались части особого назначения кадрового и милиционного состава, взаимосвязанные единым управлением, исходившим от штаба ЧОН губерний и штаба ЧОН и сводных отрядов Сибири [17].

В начале января 1922 г. командующий ЧОН Омской губернии в докладе штабу ЧОН и сводных отрядов Сибири о состоянии кадрового и милиционного состава частей особого назначения губернии сообщал, что штаб ЧОН губернии главное внимание сосредотачивал на быстрейшем завершении формирования первоочередных боевых ЧОН. Были сформированы 17-й и 18-й особого назначения отдельные Омские пехотные батальоны первой очереди, 19-й особого назначения отдельный Омский батальон второй очереди и 7-й особого назначения отдельный Славгородский кавэскадрон первой очереди [17, с. 129 — 130].

В то же время интенсивная деятельность Сибирской партийной организации по формированию ЧОН позволила в начале 1922 г. возложить борьбу с бандитизмом на территории Сибири полностью на части особого назначения.

В Омской организации комсомола из 5098 членов непосредственно входили в ряды ЧОН 2450 человек (48,0 %), которые несли службу и принимали участие в борьбе с бандитизмом [17, с. 134].

Важным событием было ознаменовано 6 февраля 1922 г. когда на смену ВЧК, как чрезвычайному органу военного времени пришло ГПУ — Государственное политическое управление. Так как говорить, по утверждению Е. А. Прудниковой, об отмене чрезвычайного положения было рано (страну по-прежнему захлестывала преступность), то у ГПУ, как преемника ВЧК, вновь появились чрезвычайные права: а именно — расстрел бандитов, пойманных на месте преступления с оружием в руках [18].

В то же время исследователь А. И. Абраменко отмечает, что уже в начале 1922 г. разведслужба в ЧОН Сибири была значительно расширена и усовершенствована, усилена ее деятельность по выяснению бандитских группировок, их состава, вооружения, целей, тактики и внутреннего состояния. Благодаря установленным информационно-разведывательным постам состоявшим из надежных коммунистов, которые через своих командиров частей представляли точные данные штабу ЧОН уезда о движении банд, большинство бандитов было задержано уже к началу 1923 года [17, с. 207]. А весь 1923 год И. Симбирцев характеризует как год, когда по всей России ликвидировали остатки различных банд [19].

К середине 1925 г. мелкие раздробленные бандитские группировки уже не представляли особой опас-

ности для советского народа и государства, но разбой и грабежи населения требовали окончательной их ликвидации.

Поэтому борьба с отдельными мелкими группами бандитов имела место на протяжении 1923 и 1924 годов. Одной из таких мелких бандитских групп, по данным помощника штаба ЧОН Сибири Морозова, на 1 февраля 1923 года в Омской губернии была банда Муратова численностью до 14 человек, скрывавшаяся в 80 верстах юго-восточнее Омска [17, с. 270].

В то же время губернские комитеты партии формируют для борьбы с бандами специальные коммунистические отряды, части. Каждая такая часть имела военный штаб, который руководил непосредственными военными операциями коммунистических частей. Из коммунистических частей выделялись особые отряды, которые охраняли хлебные амбары, ссыпные пункты, склады сельхозорудий и машин, прокатные пункты от нападения банд. Так как случаи именно внезапного нападения бандитов имели наиболее многочисленный показатель. В результате жертвой одного из таких внезапных нападений стал гражданин Данилов, найденный убитым напротив склада топлива у ст. Называевской Омской губернии [20].

Вместе с тем прокурором Омской губернии Калмыковым был разослан циркуляр в адрес всех уездных помощников прокурора, для улучшения работы народных следователей по делам о бандитизме, так как работа народных следователей была охарактеризована губернской прокуратурой неудовлетворительно. В нем указывалось, что народные следователи посылают отчетные ведомости о движении дел по бандитизму непосредственно в прокуратуру, минуя уездных помощников прокурора и с большим опозданием. В связи с чем уездным прокурорам было предписано подвергать тщательной проверке отчетную ведомость, поступающую от следователей за каждый истекший месяц и представлять ее в губернский центр не позднее 10 числа следующего месяца.

Кроме того, губернская прокуратура предписывала информировать гражданское население о мерах противодействия бандитизму, вырабатываемых междуведомственными совещаниями по борьбе с преступностью [11].

Таким образом, успех борьбы с бандитизмом определялся прежде всего совместными действиями

милиции, сотрудников ГПУ и ЧОН. Благодаря данному сотрудничеству к 1925 году обстановка по бандитизму была контролируемой.

Библиографический список

1. Ф. 138. Оп. 1. Д. 540. Л. 26.
2. Штырбул, А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.): монография / А. А. Штырбул. — Омск: Изд-во ОмГПУ; Издательский дом «Наука», 2008. — С. 486.
3. Ф. 138. Оп. 1. Д. 523. Л. 18.
4. Ф. 138. Оп. 1. Д. 130. Л. 17.
5. Ф. 399. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.
6. Ф. 399. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.
7. Прудникова, Е. А. Сталин. Битва за хлеб / Е. А. Прудникова. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. — С. 224.
8. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
9. Сельские бандиты // Советское право. — 1925. — № 1(13). — С. 89.
10. Ф. 138. Оп. 1. Д. 152. Л. 294.
11. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.
12. Ф. 138. Оп. 1. Д. 209. Л. 12.
13. Ф. 138. Оп. 1. Д. 57. Л. 30.
14. Боженко, Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне / Л. И. Боженко. — Томск: Изд-во Томского университета, 1969. — 210 с.
15. Ф. 1195. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.
16. Ф. 399. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
17. Абраменко, И. А. Коммунистические формирования — части особого назначения (ЧОН) Западной Сибири (1920 — 1924 гг.) / И. А. Абраменко. — Томск: Изд-во Томского университета. — С. 124.
18. Прудникова, Е. А. Хрущев. Творцы террора / Е. А. Прудникова. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — С. 52.
19. Симбирцев, И. ВЧК в ленинской России. 1917 — 1922 / И. Симбирцев. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — С. 185.
20. Ф. 399. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

ШАГЛАНОВ Андрей Николаевич, аспирант кафедры истории, социологии, политологии.
Адрес для переписки: e-mail: Glabrion@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.10.2010 г.

© А. Н. Шагланов

Информация

Гранты-2012 (стипендии) для аспирантов и докторантов

Германский исторический институт в Москве (ГИИМ) предлагает с **января 2012 г.** стипендию для аспирантов и докторантов, занимающихся немецкой или российской историей или историей немецко-российских отношений XVI — XX вв. (до 12 месяцев).

К рассмотрению принимаются заявки от аспирантов и докторантов, которые работают над диссертацией по новой и новейшей истории Германии и России или по истории немецко-российских/советских отношений (граждане РФ или проживающие в РФ на постоянной основе). Стипендия предназначена для работы в московских библиотеках и архивах в течение месяца. Размер месячной стипендии определяется ГИИМ на основе немецких стандартов.

Приглашаются молодые ученые, которые либо являются российскими гражданами, либо проживают в России постоянно. ГИИМ рассчитывает на их активное участие в научно-исследовательской работе института.

Адрес для заявок по почте: Германский исторический институт в Москве, Стипендия, Нахимовский пр-т, 51/21, 117418, Москва.

Заявления принимаются **до 15 ноября 2011 г.**

Информация на сайте Германского исторического института в Москве
<http://www.dhi-moskau.de/ru/stipendii-granty/stipendii/godovye-stipendii/>

ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ПРОДУКТАМИ ПИТАНИЯ В ПЕРИОД ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА 1946–1947 гг.

В статье, на примере Красноярского края, анализируются проблемы снабжения населения продуктами питания в период продовольственного кризиса 1946–1947 гг. Итоги исследования, основанного на документах из фондов государственного архива Красноярского края, уточняют и дополняют отдельные положения отечественной исторической науки по данной теме. Анализ причин послевоенного продовольственного кризиса может быть учтен при разработке программ федерального и регионального уровня по обеспечению продовольственной безопасности населения РФ в современных условиях.

Ключевые слова: Красноярский край, продовольственный кризис, снабжение населения, карточная система.

Завершение Великой Отечественной войны поставило перед государством необходимость скорейшего решения продовольственной проблемы. В четвёртом пятилетнем плане развития народного хозяйства было намечено в ближайшее время превзойти довоенный уровень потребления. Но вместо обещанного наступления продовольственного изобилия страну охватил тяжелейший продовольственный кризис 1946–1947 гг.

До конца 1947 г. в стране продолжала действовать система снабжения населения продовольствием по установленным нормам из централизованных фондов. К основным нормируемым продовольственным товарам относились хлеб, сахар, мясо- и рыбопродукты, растительные и животные жиры, крупа и макаронные изделия. Помимо них население Красноярского края обеспечивалось картофелем и овощами из местных ресурсов по нормам, устанавливаемым исполкомами местных советов. Снабжение хлебом отличалось от снабжения другими продуктами питания. Если хлебом по карточкам обеспечивалось все население всех без исключения городов и рабочих поселков, то на мясо, рыбу, крупу и макаронные изделия карточная система вводилась далеко не везде. Норма хлеба была дневной, а по всем остальным продуктам месячной и, в отличие от других продуктов

питания, хлеб никогда не выдавался в виде заменителей.

В планах и отчётах о реализации рыночного фонда хлеба последний делился на три части: городской, целевой и сельский фонды, которые, соответственно, направлялись на обеспечение трёх больших групп потребителей.

Данные о составе и численности контингента, состоявшего на государственном снабжении хлебом в Красноярском крае в период с января 1946 по январь 1947 гг. представлены в табл. 1. От общего количества в 1 223 418 человек, принятых на государственное снабжение хлебом в январе 1946 г., в городах и рабочих посёлках проживало чуть более одной трети контингента (34,0 %) [1]. Наиболее многочисленный контингент, снабжаемый по городским нормам, был сосредоточен непосредственно в краевом центре и на январь 1946 г. составлял 179 204 человека. Из фондов целевых организаций хлебом и продовольствием обеспечивались работники предприятий основных отраслей промышленности (военной, топливной, металлургической, энергетической, золотодобывающей, железнодорожного и водного транспорта), проживающие преимущественно в сельской местности. Численность этой группы потребителей в январе 1946 г. составляла 34,1 % от общего числа, состоящих

Таблица 1
Численность контингента, принятого на снабжение хлебом в Красноярском крае по состоянию январь месяц 1946 и 1947 гг.» [22, 23]

Контингент, принятый на снабжение хлебом по:	Весь контингент		В том числе					
			Работающие		Иждивенцы		Дети	
	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.	1946 г.	1947 г.
1) городскому фонду	416491	523800	204119	261300	98016	85000	110442	177500
2) целевому фонду	417399	83624	173617	62945	110469	6770	133259	13909
3) сельскому фонду	389528	48926	162496	47451	87068	1475	127124	-
Всего по краю	1223418	656350	540286	371696	295553	93245	370825	191409

на нормированном снабжении хлебом [2]. По сельскому фонду хлебом снабжалась часть сельского населения, не связанного с сельским хозяйством (учителя, медработники, педагогический персонал детских внешкольных учреждений, совпартактив, гидротехники, инвалиды Отечественной войны и др.). В крае сельские жители составляли 31,8 % от общего числа обеспечиваемых хлебом за счёт государства [3]. Продовольственные карточки в сельских местностях не вводились, хлеб и другие продовольственные товары отпускались по талонам и спискам.

Для снабжения населения продуктами питания действовали четыре группы карточек: для рабочих, служащих иждивенцев и детей до 12 лет. Преимущество в снабжении продовольствием отдавалось трудящимся ведущих отраслей народного хозяйства. Так, на продовольственное снабжение в Красноярском крае в январе 1946 г. было принято 71 предприятие с общей численностью планового контингента в 611 787 человек [4].

Ряд российских историков, в том числе В. Ф. Зима, которому принадлежит наиболее обстоятельное исследование происхождения и последствий послевоенного голода, полагает, что таковой свирепствовал в СССР с ноября 1946 г. по август 1947 г. [5]. Однако документы местных архивохранилищ позволяют достоверно судить о том, что снабжение населения края продовольствием стало заметно ухудшаться уже в весну 1945 г. Продовольственный кризис был опосредован комплексом причин. Состояние сельского хозяйства в Красноярском крае в первые послевоенные было особенно тяжёлым. За годы войны площадь посева зерновых культур в крае сократилась на 29 %, снизилась их урожайность. По сравнению с довоенным уровнем резко сократилось поголовье скота. Количество лошадей в 1945 г. составило 243,7 тыс. голов против 360,7 тыс. голов в 1940 г., свиней — 171,9 тыс. голов против 339,8 тыс. голов, овец и коз 1097,1 против 1565,1 тыс. голов соответственно [6]. Весной 1945 г. в сельских районах Красноярского края были зафиксированы первые вспышки голода и распространение сопутствующих ему заболеваний. Тогда же в крайком ВКП(б) стали поступать сообщения «об исключительно тяжёлом состоянии с продовольствием у колхозников». Получив от 0,1 до 0,3 кг хлеба в оплату трудодней в период хлебозаготовительной компании 1944 г., колхозники израсходовали его уже осенью, после чего они питались только овощами и картофелем из собственных огородов, когда и эти скромные запасы иссякли, люди стали есть траву и опухать от голода. Случаи опухания людей были отмечены в колхозах Алтайского, Богородского, Больше-Муртинского, Назаровского, Пировского и других районах Красноярского края [7]. В конце 1945 г. в двадцати районах Красноярского края и девяти районах Хакасской автономной области зарегистрировано около 22 случаев дистрофии как среди взрослого населения, так и среди детей [8].

Лето 1945 г. в Красноярском крае оказалось засушливым. В этот год колхозники края собрали самый низкий за последние 9 лет урожай [9]. Но даже в этих условиях план хлебозаготовок краем был перевыполнен за счёт сдачи государству зерна из семенного фонда и фонда, распределяемого среди крестьян в форме натуроплаты за трудодни.

В 1946 г. Красноярский край не пострадал от природных катаклизмов, охвативших зерновые районы европейской части России и соседние с краем территории (Алтайский край, Кемеровскую, Новосибирскую и Омскую области). Однако правительство, при-

бегнув к методам продразвёрстки, принудило колхозников края сдать в закрома Родины 31 млн пудов хлеба. Осенью 1946 г. в связи с неурожаем правительством было принято решение с 1 октября 1946 г. перейти на режим «экономии в расходовании хлеба», который предполагал сокращение контингентов снабжаемого населения, проживающего в сельской местности, и снятие с пайкового снабжения хлебом в городах и рабочих поселках части неработающих взрослых иждивенцев. В целом по стране контингенты населения, снабжаемого хлебом, были ограничены до 60 млн чел. [10]. «Режим экономии», прежде всего, коснулся восточных регионов страны. С октября по декабрь 1946 г. с в Красноярском крае с централизованного снабжения хлебом было снято 648 524 человека, или 52 % получавших до этого хлеб по карточкам (табл. 1). Сокращение контингента, состоящего на нормированном снабжении, способствовало расширению географии голода и его последствий.

В 1945 г. продовольственный кризис затронул не только сельских жителей края, но и городское население, находящееся на нормированном снабжении, включая тружеников ведущих отраслей народного хозяйства, рабочих оборонных заводов и контингент социально-бытовых учреждений (детские дома, дома инвалидов, больницы, лечебницы для туберкулёзных больных и другие закрытые учреждения), снабжению которых государство традиционно уделяло повышенное внимание. Уже весной 1945 г. рабочие промышленности испытывали трудности с отовариванием карточек. Так, например, с апреля по июнь 1945 г. не отоваривались продовольственные карточки работников Лебяжинского химлесхоза, одного из самых крупных предприятий Красноярского края в отрасли химической промышленности [11]. Причиной нехватки продовольствия в городе стал срыв поставок продовольствия в регион. Объёмы выделяемых продовольственных фондов были невелики и практически никогда не отоваривались полностью. В годы войны в Красноярском крае был создан мощный оборонный комплекс, стимулирующий рост городов, поэтому при общем сокращении населения края, численность городского населения постоянно увеличивалась [12]. Как показал анализ документов, степень недопоставки продовольствия по централизованным фондам была весьма существенной и в 1945 г. составляла в среднем одну четверть от общего объёма фонда (табл. 2). Наибольшие недопоставки продовольственных товаров имели место в IV квартале 1945 г. Поэтому даже нормированное снабжение не обеспечивало потребности городского населения в продуктах питания.

В это же время повсеместно распространилась проблема продуктов в виде заменителей даже социально-бытовым учреждениям и магазинам, обслуживающим совпартактив [13].

Причины задержек и срывов отоваривания фондов объясняются не только отсутствием продовольствия, но и отсталостью инфраструктуры торговли (неразвитость оптово-розничных звеньев и транспортных коммуникаций). Нередко поставщики, мотивируя недостатком транспорта, перекаладывали всю заботу по организации грузоперевозок продовольствия из глубинки на фондодержателей, в том числе мелких, ограничившись при этом выдачей распоряжения на отпуск продукции с заводов, находившихся порой за сотни километров от железных дорог и водных магистралей. Продукты не доходили до потребителя, поскольку портились на складах и уничтожались во время транспортировок [14]. В г. Артёмовске Красноярского края из-за отсутствия транспорта

Обеспечение населения Красноярского края по рыночному фонду основными видами продовольственных товаров (в тоннах) [24]

Таблица 2

Наименование продуктов	Отоваривание фондов за 1945 г.			Отоваривание фондов за IV квартал 1945 г.		
	Выделено по плану	Фактически получено	Соотношение плановых и фактических поставок, %	Выделено по плану	Фактически получено	Соотношение плановых и фактических поставок, %
Молоко	—	—	—	2900	900	31,0
Растительные жиры	1081	772	71,5	313	58	18,5
Рыбопродукты	—	—	75,5	6130	3570	51,2
Рыба	4611	3449	74,6	1210	927	42,1

в местном отделении Кросторга, организующего снабжение населения, в течение 1945 года не было завезено никаких продуктов, даже поставки хлеба проходили с перебоями в 10 – 15 дней. Имело место, когда инвалиды войны избивали совпартактив, а жёны фронтовиков бросали своих детей в райкоме и уходили [15].

Из-за ограниченности фондов продовольствие распределялось по торговой сети неравномерно. В первую очередь продукты поступали в магазины, к которым для снабжения были прикреплены совпартактив и члены их семей, инвалиды Отечественной войны. Другие магазины снабжались по остаточному принципу. По свидетельству документов в ряде магазинов Минусинска, не относящихся к числу «привилегированных», карточки на хлеб не отоваривались по 4 – 5 дней. Только за две недели декабря 1946 г. жители Минусинска не смогли выкупить по карточкам 13 248 кг хлеба [16].

Значительная часть продуктов, выделяемых по фондам, уходила в сферу теневой экономики. В период действия карточной системы всевозможные махинации с карточками: незаконная их выдача и хищение из карточных бюро, предприятий и типографий, подпольное печатанье карточек были широко распространены и служили одним из каналов теневого перераспределения продовольствия. Только август 1946 г. на Красноярском паровозостроительном заводе было украдено 36 тонн хлеба, путём незаконной выдачи карточек лицам, не работающим на заводе и не имеющим право на их получение. Для сравнения: месячная потребность в хлебе города Артёмовска, где на снабжении состояло 3240 человек, составляла 28,5 тонны [17]. За период с октября 1946 г. по март 1947 г. прокуратурой края было заведено и расследовано 204 уголовных дела о «разбазаривании» и расхищении хлебных и продовольственных фондов и злоупотреблении продовольственными карточками. В результате к уголовной ответственности были привлечены 382 человека.

Широкому распространению хищений в карточной системе способствовало и то, что в годы войны не было выработано надёжной системы контроля за правильным отовариванием карточек, расходованием хлеба и других продуктов. В послевоенное время правительство поставило задачу в ближайшее время отменить карточную систему распределения, а потому не видело смысла в её реформировании. В то же время контроль государства функционированием механизма распределения продовольствия значительно ослаб. Так, например, в 1944 году из 33 действовавших

по краю карточных бюро госторгинспекцией было обревизовано только 14 [18].

Сами карточные бюро, возложенные на них контрольно-ревизионные функции по установлению правильности принятия на снабжение контингентов в организациях, предприятиях и домоуправлениях выполняли весьма посредственно. Причину этого сибирский исследователь А. В. Шалак видит в малочисленности аппарата карточных бюро [19]. Материалы архивохранилищ Красноярского края подтверждают эту точку зрения. Вплоть до октября 1946 г. численность населения, состоящего на государственном снабжении хлебом, постоянно увеличивалась. Проверка контингентов, принятых на снабжение, и правильности отнесения данного контингента к одной из категорий снабжения, приём и погашение карточек, ревизия магазинов находились в ведении неопытного и чрезмерно загруженного персонала. Аппарат большинства городских и районных карточных бюро и карточно-учётных бюро, состоящий из 3 – 4 человек, не справлялся со своими обязанностями. Так, абаканским карточным бюро за три месяца 1946 года из трёхсот подконтрольных организаций не проверено ни одной [20].

Безусловно, государство пыталось бороться с тевым перераспределением товаров, однако делало это руками тех, кто сам непосредственно участвовал в махинациях продовольствием. Как показал анализ документов, значительная часть хищений совершалась работниками карточных бюро. Только за месяц работы краевой комиссии по проверке аппарата карточной системы, учрежденной в рамках мероприятий по выполнению. Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «Об экономии в расходовании хлеба», были привлечены к уголовной ответственности и приговорены к наказанию за нарушение правильности выдачи карточек 83 работника карточных и учётных бюро [21].

Таким образом, продовольственный кризис в Красноярском крае обозначился раньше, чем в центральных регионах России и был опосредован комплексом причин. Наряду с резким сокращением продовольственных ресурсов в результате кризисного состояния сельского хозяйства, причиной голода стали неверные действия властей по организации снабжения региона продовольствием, неразвитость инфраструктуры торговли, существование теневого распределения товаров и ресурсов. Названные явления в распределительных отношениях коренились в политико-экономических основах советского государства, а потому их невозможно было искоренить за короткий срок.

Библиографический список

1. КГБУ ГАКК. Ф.П-26, Оп. 16. Д. 632. Л. 50.
2. КГБУ ГАКК. Ф.П-26, Оп. 16. Д. 632. Л. 44, 45.
3. КГБУ ГАКК. Ф.П-26, Оп. 16. Д. 632. Л. 44, 45.
4. КГБУ ГАКК. Ф.П-26, Оп. 16. Д. 632. Л. 65.
5. Зима, В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — Москва : Ин-т российской истории РАН, 1996. — С. 65.
6. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 15. Л. 285.
7. Ценюга, И. Н. Сельское хозяйство Красноярского края в послевоенный период / И. Н. Ценюга // Красноярский край — 70 лет исторического пути: матер. V Краеведческих чтений. Красноярск, ноябрь 2004 г. / Ред. В. И. Фёдорова, Т. Л. Савельева. — Красноярск, 2005. — С. 57.
8. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 16. Л. 59.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 348. Л. 29.
10. Орлов, И. Б. Советская повседневность: исторические и социологические аспекты становления / И. Б. Орлов. — М., 2008. — С. 131.
11. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 16. Д. 637. Л. 60.
12. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 15. Л. 57.
13. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 12. Л. 66. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 470. Л. 7.
14. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 480. Д. 4, 4об.
15. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 15. Д. 476. Л. 164, 165.
16. КГБУ ГАКК. Ф. П-26, Оп. 16. Д. 626. Л. 14, 44.
17. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 16. Д. 632. Л. 5.
18. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 16. Д. 632. Л. 5.
19. Шалак, А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940 — 1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : ИГЭА, 2000. — С. 97.
20. МУ «Архив г. Ачинска» Ф. 513. Оп. 1. Д. 3. Л. 46, 46, об.
21. КГБУ ГАКК. Ф.П-26. Оп. 16. Д. 632. Л. 67.
22. КГБУ ААКК. П-26. Оп. 16. Д. 632. Л. 44, 48, 49, 50, 74
23. КГБУ ААКК. П-26. Оп. 15. Д. 472. Л. 22
24. КГБУ ААКК Ф.П-26. Оп. 16. Д. 624. Л. 4, 23, 56

ЧЕБЕРЯК Наталья Васильевна, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук.
Адрес для переписки: e-mail: che-tasha@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.03.2010 г.

© Н. В. Чеберяк

УДК 001.89-057.875(47+57)
«1946/55»

Ю. В. БЕЛЯНИНА

Омский государственный
технический университет

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ: РУКОВОДСТВО, ОРГАНИЗАЦИЯ, ФОРМЫ (1946—1955 гг.)

В статье на основе законодательных и нормативных актов, а также архивных материалов рассматриваются основные формы организации научных исследований студентов, ее функции и результаты; руководство и финансирование студенческой науки.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, студент, студенческий научный кружок, городские смотр-конкурсы.

Научно-исследовательская работа студентов является одним из важнейших средств повышения качества подготовки специалистов с высшим образованием, способных творчески применять в практической деятельности достижения научно-технического прогресса и, следовательно, быстро адаптироваться к условиям развития современной экономики.

Законодательно эта форма работы студентов была заложена в 1950-е гг., когда вышло «Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений», утвержденное в декабре 1953 г. [1], подкрепляемое инструктивным письмом о проведении городских смотров студенческих научных работ [2]. В 1940-е годы научная деятельность студентов регламентировалась «Положением о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений» 1944 г. [3].

Обращаясь к историографии вопроса, следует отметить, что разработка этой проблемы отличается невысокой степенью изученности.

К исследованиям, рассматривающим развитие вузов и конкретно студенческую науку, можно от-

нести монографии В. П. Елютина, Е. В. Чуткерашвили, Г. А. Будник, К. Т. Галкина и других [4–7].

Серьезное обсуждение научно-исследовательской деятельности студентов в 1940–1950 годы происходило на страницах журнала «Вестник высшей школы» [8–10]. Данные работы дают ценный материал о структуре, функциях и методах работы научных кружков, основных проблемах студенческой науки и способах их решения.

Студенческая научная работа, ее задачи и формы наиболее полно описаны в монографии Л. Г. Квиткиной [11]. Деятельность комсомольских организаций по усилению научной деятельности студентов и ее руководстве рассматривается в справочниках о работе комсомольских организаций в высших учебных заведениях [12, 13].

Основной целью научно-исследовательской работы студентов является формирование и усиление творческих способностей студентов, развитие и совершенствование форм привлечения молодежи к научной, конструкторской и творческой деятельности, что обеспечивает единство учебного, науч-

ного, воспитательного процессов для повышения профессионально-технического уровня подготовки специалистов с высшим образованием.

Однако основное внимание в студенческой научной работе уделяется предоставлению максимальных возможностей каждому студенту для самостоятельной исследовательской работы по интересующей его научной проблеме.

Согласно «Положению о научно-исследовательской работе студентов вузов», общее руководство студенческой научной деятельностью осуществлялось директором института, на факультете — деканом факультета. Финансирование научно-исследовательской работы студентов производилось за счет средств, выделяемых вузам по госбюджету (ст. 5) на проведение научно-исследовательских работ. [1, с. 3].

Формы участия студентов в научно-исследовательской работе были разными и должны были обеспечивать последовательную подготовку студентов к проведению научных исследований. Примерная последовательность этих форм также определялась «Положением...» [1, с. 2]:

а) участие студентов в научно-исследовательской работе кафедр с выполнением практических заданий научного руководителя по темам, разрабатываемым членами кафедр;

б) составление рефератов по отечественным и иностранным литературным источникам с выводами и формулировкой вопросов, подлежащих исследованию;

в) составление аннотаций на новейшую отечественную и иностранную литературу с критической оценкой аннотируемой литературы;

г) выполнение лабораторных, курсовых, дипломных и проектных работ, содержащих элементы научного исследования — так называемое «реальное проектирование»;

д) участие в выполнении научно-исследовательских работ, проводимых кафедрами в помощь производству; выполнение конкретных заданий научно-исследовательского характера на производственной и преддипломной практике;

е) изучение и освоение нового оборудования, приборов и механизмов и т. п.;

ж) самостоятельное проведение доступных по подготовке научных исследований, освоение техники экспериментирования.

Наиболее массовой формой приобщения студентов к науке были научные кружки, которые являлись добровольными организациями. Необходимым условием плодотворной работы студенческих кружков являлось руководство, которое осуществлялось профессорско-преподавательским составом вуза. Также широко привлекались инженеры-производственники, что давало положительные результаты — студенты широко вовлекались в обсуждение и разработку проблем, стоящих перед отдельными отраслями промышленности и предприятиями, что в значительной степени стимулировало научно-исследовательскую работу студентов.

При каждой кафедре могло существовать несколько кружков. Ответственным за работу кружков при кафедре являлся заведующий кафедрой. При этом студент одновременно мог состоять, как правило, только в одном научном кружке [1, с. 2—3].

К научно-исследовательской работе допускались студенты, выполняющие учебный план и проявившие интерес к углубленному изучению науки. Прием в научный кружок осуществлялся научным руководителем кружка по личному заявлению студента.

Тематика работы научного студенческого кружка разрабатывалась руководителем кружка и обычно была тесно связана с научно-исследовательской работой, проводимой на кафедре. Тематика кружка рассматривается на кафедре и утверждается заведующим кафедрой.

В помощь научному руководителю на общем собрании кружка избирался староста, который утверждался заведующим кафедрой. Староста выполнял организационную работу и вел учет работы кружка.

По завершении каждого этапа студент готовил научный отчет и защищал результаты своей работы перед представительной комиссией.

Основной формой отчетной работы студенческих научно-технических кружков были научные доклады по разработанным членами кружка научным проблемам, написание рефератов, научные дискуссии и выступления на конференциях.

В целях популяризации научной работы студентов и подведения итогов организовывались конкурсы на лучшую студенческую научную работу и студенческие научные конференции. Лучшие работы направлялись на городские и другие студенческие научные смотры и конференции, а также могли быть опубликованы в трудах вузов, в специальных журналах, в отдельных сборниках научно-исследовательских работ студентов.

Все кружки вуза объединялись в студенческое научное общество. Его Типовой устав был утвержден в 1947. Согласно Типовому уставу, функциями общества были [14, с. 2]:

— организация по отдельным научным дисциплинам научных и научно-технических кружков и руководство их работой;

— разработка тематики научно-исследовательских работ студентов и представление ее на утверждение Ученого совета института;

— организация периодических конкурсов на лучшие научно-исследовательские работы студентов;

— проведение научных студенческих конференций по отдельным отраслям науки и техники;

— издание научных работ студентов и научно-популярных брошюр, составленных студентами, а также бюллетеней и газет с освещением работы общества;

— организация факультативных курсов лекций, практикумов, семинаров по отдельным областям науки и техники для овладения студентами новейших методов исследования и приобретения навыков самостоятельной работы с литературой.

Действительным членом общества мог быть любой успевающий студент, признающий устав общества, ведущий научную работу на любой кафедре, на месте производственной практики и в производственных условиях.

Прием в члены общества производится на основании письменного заявления и рекомендации научного руководителя, краткого тематического плана научной работы и краткого отчета о ранее проделанной работе.

Центральным органом общества являлось общее собрание действительных членов общества, а в перерывах между собраниями — совет общества, избираемый общим собранием.

Совет общества состоял из председателя, двух заместителей, ответственного секретаря и членов, число которых определялось общим собранием членов общества.

Низовой организацией общества являлся студенческий научный кружок.

Общество имело право давать своим членам рекомендации и характеристики, издавать труды своих членов, выносить вопросы на решение Ученого совета института и ученых советов факультетов, выдвигать своих действительных членов в кандидаты на персональные стипендии, в аспирантуру и т.д.

Каждый действительный член общества обладал правами и обязанностями. Так, он имел решающий голос на всех собраниях общества, мог избирать и быть избранным во все руководящие органы, а также мог представлять свои работы для издания в трудах Общества, выступать на научных конференциях, пользоваться преимуществом при поступлении в аспирантуру с учетом результатов научно-исследовательской работы. В то же время он был обязан за время своего обучения подготовить и защитить дипломную работу, написать за время пребывания в обществе не менее двух рефератов по современным научным темам и сделать на занятиях кружка или на научных конференциях доклады по ним, а также выполнять Устав общества, посещать собрания общества, отчитываться о проделанной работе, платить членские взносы [15, л. 3].

Член общества мог быть исключен из общества за академическую неуспеваемость, нарушение Устава общества или по решению общего собрания.

Студенческое научное общество содействует развитию научно-исследовательской работы среди студентов, оказывает помощь в организации работы научных студенческих кружков, в обобщении их опыта, популяризирует работу научных кружков, добившихся лучших результатов.

Студенческое научное общество участвует в организации и проведении общеуниверситетских мероприятий, связанных со студенческой научной работой (организация и проведение научных студенческих конференций, организация конкурсов на лучшую студенческую научно-исследовательскую работу, экскурсий на предприятия и в научные учреждения, организация лекций и докладов, демонстраций научных кинофильмов, встреч с видными учеными, новаторами производства и т. д.)

Организационное руководство работой общества осуществляется советом общества. В высших учебных заведениях с большим количеством студенческих научных кружков могут быть созданы факультетские советы общества.

Совет общества состоит из председателя, заместителя председателя, ответственного секретаря и членов, количество которых определяется общим собранием членов общества. Директор (ректор) вуза имеет право в помощь по научному руководству обществом привлекать профессоров и преподавателей.

Совет общества проводит свою работу в тесной связи с комсомольскими и профсоюзными организациями.

Студенты, активно участвующие в научно-исследовательской работе и добившиеся существенных успехов (имеющие научные работы, одобренные советом вуза, научные работы, опубликованные в печати), пользуются преимуществом при приеме в аспирантуру, а также при направлении на работу в высшие учебные заведения или в научно-исследовательские учреждения.

Наименования выполненных студентами научных работ и фамилии руководителей записываются в зачетную книжку.

Лучшие студенческие научные работы совет вуза представляет на конкурсы, конференции и смотры.

Библиографический список

1. Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений [Текст] : [Утверждено приказом Министерства высшего образования СССР № 995 от 3 декабря 1953 г.] : офиц. текст / М-во образования СССР. — М., 1947. — 8 с.
2. Инструктивное письмо о проведении городских смотров студенческих научных работ [Текст]: [№ И-56 от 22 апреля 1955 г.] Основные постановления, приказы и инструкции / сост. Е. И. Войленко, Г. Е. Дударев, В. Б. Каирукштис [и др.] ; под ред. Л. И. Карпова, В. А. Северцева // Высшая школа. — М. : Советская наука, 1957. — С. 234 — 235.
3. Положение о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений [Текст] : [Утверждено постановлением СНК СССР № 178 от 18 февраля 1944 г.] / сост. М. И. Мовшович ; под ред. А. М. Ходжаева // Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. — 2-е изд. — М. : Советская наука, 1948. С. 214 — 217.
4. Елютин, В. П. Высшая школа общества развитого социализма / В. П. Елютин. — М. : Высшая школа, 1980. — 560 с.
5. Чуткерашвили, Е. В. Развитие высшего образования в СССР / Е. В. Чуткерашвили. — М. : Высшая школа, 1961. — 240 с.
6. Будник, Г. А. Высшее инженерно-техническое образование России в 1946 — 1970-е годы : учеб. пособ. к спецкурсу / Г. А. Будник. — Иваново : Изд-во Ивановского гос. энергетич. ун-та, 2001. — 164 с.
7. Галкин, К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР / К. Т. Галкин ; под ред. Н. А. Константинова. — М. : Совет. наука, 1958. — 176 с.
8. Шаримаян, С. С. Научные студенческие кружки — школа воспитания молодых ученых / С. С. Шаримаян // Вестник высшей школы. — 1947. — № 1. — С. 41 — 44.
9. Соколов, А. А. Методика работы студенческого технического кружка / А. А. Соколов // Вестник высшей школы. — 1947. — № 4. — С. 39 — 41.
10. Сиводедов, Г. Т. Студенческим научным кружкам — четкое организационное руководство / Г. Т. Сиводедов // Вестник высшей школы. — 1947. — № 6. — С. 50 — 51.
11. Квиткина, Л. Г. Научное творчество студентов (роль научно-исследовательские работы в повышении качества подготовки специалистов) / Л. Г. Квиткина. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1982. — 108 с.
12. Справочник комсомольского активиста / Сост. В. Волчихин. — 2-е изд., доп. — М. : Молодая гвардия, 1980. — 239 с.
13. Комсомол в вузе / Сост. О. И. Карпунин, И. С. Мостыка. — 3-е изд., доп. — М. : Молодая гвардия, 1981. — 206 с.
14. Типовой устав научного студенческого общества... института [Текст] : [Утвержден приказом Министерства высшего образования СССР № 1008 от 18 июля 1947 г.] : офиц. текст / М-во образования СССР. — М., 1947. — 8 с.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9396. Оп. 9. Д. 76.

БЕЛЯНИНА Юлия Владимировна, аспирантка кафедры отечественной истории.
Адрес для переписки: e-mail: yulia-belyanina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.10.2010 г.

© Ю. В. Белянина